

А. Ю. Акулинин

История
ОДНОГО
преступления

Потомок Остапа

Андрей Юрьевич Акулинин

История одного преступления. Потомок Остапа

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17097301

А. Ю. Акулинин «История одного преступления. Потомок Остапа»:

Кучково поле; Москва; 2013

ISBN 978-5-9950-0315-1

Аннотация

Эта книга о нелегкой службе чекистов, о том, что мошенники часто используют поддельные удостоверения сотрудников ФСБ для совершения противоправных действий, о том, как жертвами этих уловок становятся обычные люди.

Именно об этом писал автор, рассказывая историю про... ложь. Обманывают все, даже те, кто постоянно призывает говорить правду. Лгут родителям, детям, супругам, начальникам... И электорату. В этом преуспели политики и дипломаты, следователи и прокуроры, сотрудники правоохранительных органов и спецслужб, бизнесмены и преступники. Для всех них ложь – элемент профессиональной деятельности. Правда, в данном случае ложь называют иными словами, например предвыборной программой, заявлением МИДа, тактикой допроса, легендой прикрытия, дезинформацией,

рекламной акцией, разводкой и еще множеством других эвфемизмов.

Это захватывающее произведение предназначено для широкого круга читателей.

Содержание

От автора	6
Пролог	8
Часть 1	18
Глава 1	18
Глава 2	38
Глава 3	54
Глава 4	67
Глава 5	80
Глава 6	91
Глава 7	112
Глава 8	124
Конец ознакомительного фрагмента.	129

А. Ю. Акулинин
История одного
преступления
Потомок Остапа

*Всякое тайное рано или поздно становится
явным.*
Сократ

От автора

Когда я уже заканчивал работу над этой книгой, то вдруг задумался: так о чем же она? Мои сослуживцы, коим довелось прочитать ее отдельные главы или всю целиком, говорили о совершенно разных вещах, вызывая у меня недоумение. Те, которые узнавали в ней себя, твердили: это повесть про чекистов. Другие, закрывающие последнюю страницу с ухмылкой, были уверены, что автор написал опус о похождениях новоявленного Остапа Бендера. Третьи, а это были представительницы «слабого пола», тяжело вздыхали и тихо констатировали: «Как хрупко женское счастье». Были и четвертые, и пятые... Но никто из них не сказал то, о чем думал я, садясь в свободное от службы время к клавиатуре компьютера и устремляясь взглядом в потолок. Да, конечно, я писал и про нелегкую службу чекистов, и о том, что мошенники зачастую используют поддельные удостоверения сотрудников ФСБ для осуществления преступной деятельности, и как на их уловки попадают люди. Да, именно это я и писал, рассказывая историю про... ложь.

В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова слово «ложь» трактуется как намеренное искажение истины, неправда, обман. Лжи посвящены десятки афоризмов и сотни пословиц и поговорок. Ложь может быть малозначительной и бескорыстной, широкомасштабной и губительной, она

даже может быть во спасение или того чудней: святой.

Ложь имеет широкое хождение среди людей. Врут все, даже те, кто постоянно призывает говорить правду. Врут строгим отцам, требовательным детям, ревнивым супругам, придирчивым начальникам, электорату. Причем все ко лжи настолько привыкли, что особенно и не удивляются ей. В этом деле преуспели политики и дипломаты, следователи и прокуроры, сотрудники правоохранительных органов и спецслужб, бизнесмены и преступники. Для всех них ложь – элемент профессиональной деятельности. Правда, в данном случае ложь называют иными словами, например предвыборной программой, заявлением МИДа, тактикой допроса, легендой прикрытия, дезинформацией, рекламной акцией, разводкой и еще множеством других эвфемизмов.¹

Каким бы словом мы ни называли ложь, она все равно является намеренным искажением истины, обманом, на который мы, как ни странно, падки, а все из-за своей глупости, жадности и страсти...

¹ Эвфемизм (от греч. euphemia – воздержание от неподобающих слов), непря-
мое, смягченное выражение вместо резкого или нарушающего нормы приличия.

Пролог

**г. Москва, Лубянка, Культурный центр ФСБ
России, 10 декабря 2008 года, 23 часа 10 минут**

Полковник Калинин вышел из культурного центра ФСБ в приподнятом настроении. В ушах еще звучали слова ведущей конкурса «За лучшие произведения литературы и искусства о деятельности Федеральной службы безопасности» Арины Шараповой: «Для вручения поощрительного диплома и ценного подарка на сцену приглашается автор документального детектива «История одного преступления: по следам Башкира» Андрей Калинин». С поврежденным коленом, да еще без костылей и гипса, который пришлось накануне снять, чтобы залезть в машину, подниматься на подмости было тяжело. То, что земля под ногами ходила ходунком – это еще полбеды, а вот когда она начала взрываться и пронизывать плоть нечеловеческой болью, это уже не приведи господи. Здесь не то что перепутаешь концовку заранее заготовленного текста выступления, но и забудешь получить из рук нового директора ФСБ золотые часы. Правда ни часы, ни диплом, ни огромный букет цветов Калинин не забыл, поэтому, наверное, и настроение было приподнятым. А то,

что вместо «служу Российской Федерации», сказал «Честь имею!», так это со всеми бывает. Да и вряд ли кто-то такую шероховатость заметил. Разница между добросовестной службой и офицерской честью не такая уж и большая.

На ступеньках центра он закурил. Ночная Москва светилась. Проезжавших мимо машин было гораздо меньше, чем днем, хотя их количество на стоянке у центрального офиса ФСБ существенно не сократилось. Спецслужба трудилась и днем, и ночью. И устроенный ею же в преддверии собственных профессиональных праздников конкурс не был для этого помехой: кто-то писал депеши для высших должностных лиц страны, кто-то встречался с агентурой, кто-то уходил в пограничный дозор, а кто-то держал на мушке главаря бандформирования. И неважно, какое сегодня число и время суток. Система работала, словно швейцарские часы.

Окурок уменьшался на глазах. Волнение пока не отпускало, хотя сердцебиение постепенно замедлялось, приближаясь к отметке в 72 удара в минуту. Еще чуть-чуть, и снова дико заноеет колено. Когда это произойдет, лучше быть в автомобиле. Калинин бросил бычок в урну и, достав мобильник, набрал заветный номер.

– Вы где? – спросил он.

– Я неподалеку, сижу в кафе с товарищем и жду, когда ваш концерт закончится, – ответил начальник отдела кадров н-ского УФСБ полковник Грузин Сергей Васильевич. Чувствовалось, что он подшофе. А это значит, что день удался и

у него. Из-за ударения его фамилия к национальности вождя всех народов и президента, съевшего перед экранами многомиллионной аудитории свой яркий галстук, не имела никакого отношения, хотя некоторые злые языки с этим не соглашались, так и норовили разжечь вражду между братскими народами.

– Когда поедем домой?

– А ты готов?

– Еще грамм триста коньяка, вот тогда я буду окончательно готов, – рассмеялся Калинин и дыхнул на свой мобильный трофейным «Хеннесси», пару фужеров которого он употребил на банкете.

– Юрьевич, машину я отправил поближе к кольцевой дороге. Придется нам ехать до нее на метро.

– Фьють, – присвистнул Калинин. – Да как же я со своей ногой! Мне до метро добраться проблематично. Куда идти?

– До Кузнецкого доковыляешь или мне тебе помочь?

– Что делать, буду ковылять, – вздохнул Калинин.

– Я тебя жду.

– Жди.

Отключив телефон, Калинин снова полез за сигаретой. Позади него отворилась дверь, и на Лубянку из здания Центра вывалилась шумная компания известных в стране артистов. Все как один были навеселе. Банкет прошел на высшем уровне. Калинин тут же получил стандартный набор почестей дипломанта конкурса: его признательно хлопали по

плечу, дружески жали руку, и кто-то даже чмокнул. Бр-р-р. Его передернуло. Обниматься по-кавказски – куда ни шло, а вот чтобы мужик, пусть даже такой знаменитый, как этот, да при всем честном народе чуть ли не в засос поцеловал, это уж извините господа, хамство. Хочешь не хочешь, а поверишь слухам о нетрадиционной сексуальной ориентации некоторых знаменитостей. «Какой черт меня сюда занес? – думал Калинин, глупо улыбаясь почтенной публике. – Я же русский офицер, а не попрыгунчик какой-то. На какой хрен мне ваша признательность. Тьфу! Да и книгу мою вряд ли кто-то из них читал и не прочтет никогда».

К входу подогнули шикарные автомобили. При одном их виде дух захватывало. «Вот бы поставить сверху крупнокалиберный пулемет, а рядом ПТУР «Фагот» закрепить, хорошие боевые машины получились бы, не хуже легендарных БМП». Толпа наперегонки ринулась к ним. Калинин посмотрел на свой букет, мысленно попросил у жены прощения и вручил его эстрадной артистке, постоянно мелькавшей на телевидение. «Все равно не довезу», – подумал он и ощутил на щеке легкий холодок знаменитых силиконовых губ. «Это уж куда не шло. А то мужик!» – улыбнулся он. Скопище гламурных особей из глянцевого журналов стремительно рассалось по роскошным каретам и исчезло в мареве углекислоты, повисшей над ночными московскими дорогами.

Сигарета сгорела до фильтра и обожгла губы. Окурок упал под ноги. Калинин попытался его поднять, чтобы выбросить

в урну (не хотелось засорять столицу), но нога не жаждала сгибаться, жутко отекала и пульсировала. «Дойду ли до метро?» – он посмотрел в направлении станции «Кузнецкий мост», прикидывая расстояние до нее, и – о чудо! – навстречу улыбаясь, шел молодой и статный полковник Грузин. «Совість заела, что без спросу машиной распорядился по собственному усмотрению», – решил Калинин, но все равно радостно помахал ему рукой и, опираясь на пластиковую клюку, двинулся в его сторону.

На вручении премии эта самая клюка произвела фурор. Еще в телефонном режиме, когда сотрудники ЦОСа² приглашали Калинина в Москву на торжественное мероприятие, он предупредил их о полученной накануне травме мениска и разрыве коленных связок во время банального волейбола. Неприятное для Калинина событие было воспринято цосовцами с небывалым энтузиазмом: «Ничего, – ответил их сотрудник. – Доведем до общественности информацию, что вы в Чечне ранение получили. Вы единственный номинант из действующих сотрудников ФСБ, так что рекламу мы вам обеспечим». Калинин тогда подумал, что на том конце провода товарищи шутят, сам-то он любил это дело, но когда вошел в концертный зал, то понял: шутников в Центральном аппарате ФСБ значительно меньше, чем на территориях. Люди в погонах, строгих костюмах и вечерних платьях с сочувствием смотрели на него, а некоторые сердобольные подхо-

² ЦОС – Центр общественных связей ФСБ России.

дили и интересовались: «Огнестрельное это или осколочное ранение?» Приходилось туманно отвечать, дескать, до свадьбы заживет. И здесь Калинин не лукавил. По имеющимся в медицинской службе ФСБ нормативам, данная травма заживает за 90 суток. Кто этот норматив придумал, неизвестно, но именно через три месяца подходила годовщина серебряной свадьбы четы Калининых.

Грузин прибавил шаг и встретил Калинина на пешеходном переходе.

– Совесть замучила? – озвучивая мысли, спросил Калинин.

– Была бы совесть...

– Это точно, откуда у вас, у кадровиков, совести взяться.

– Вместо того чтобы как черт старый ворчать, показал бы свои подарки!

– А, точно. Дедовщину никто не отменял. На, тащи, – Калинин протянул Грузину пакет с дипломом и коробкой с золотыми часами.

Тот с любопытством вытащил диплом и раскрыл его:

– Фьють, – присвистнул он. – Так это же металл.

– Да? – удивился Калинин и, потрогав его, сказал: – Точно металл. Кризис дошел и до нашей деревоперерабатывающей промышленности. Бумага кончилась, в ход пошел металл. Ладно, диплом из металла, это куда ни шло, а как быть в туалете?... Не у всех же наших граждан биде есть. Говорили же мне в Чечне: «принимай, Юрьевич, ислам», а я, дурак,

отказался. Сейчас бы не испытывал потребность в туалетной бумаге.

Грузин, не обращая внимания на шутки своего старшего коллеги, извлек из пакета деревянную коробку, покрутил ее в руках и открыл.

– Золотые? – спросил он.

– А я почему знаю?

– Ну спросил бы у директора.

– Дареному коню в рот не заглядывают.

– Золотые, – утвердительно сказал Грузин, рассматривая обратную сторону хронометра. – Видишь, клеймо. Да тут еще и надпись: «От директора ФСБ». Ну теперь Юрьевич, тебе надо становиться профессиональным писателем. Напишешь еще одну книгу, потом еще и еще. И будешь часами торговать.

– Зачем мне это нужно? Одну нечаянно написал и сегодня чуть невинности не лишился. Один известный мужик пытался свой язык в мой суровый чекистский рот засунуть. Каково тебе? – засмеялся Калинин.

– Один раз не педераст...

– Один раз уже было, Васильевич. В прошлом году во время ежегодного медосмотра я сдуру перепутал кабинеты врачей. Вместо хирурга попал к проктологу.

– И чего?

– А ничего. Сам видишь, что жив и здоров. Только с психикой проблемы начались. После посещения проктолога у

меня возникла душевная травма. Мне теперь периодами гомосексуалистов жалко становится. Проводят они, бедные, в Москве свои гей-парады, а их православный люд гоняет и по морде бьет. Иногда такая жалость возникает, а иной раз страсть как хочется по морде дать. Так что, Васильевич, если еще одну книгу напишу, и меня, не дай бог, снова пригласят сюда для вручения награды, боюсь, что мне понравится целоваться с мужиками. А там недалеко и до гей-парадов. Не хочу по морде получать.

– Тогда будешь работать на телевидении или еще выше, – он многозначительно потряс указательным пальцем. – Здесь такие нужны.

– Нет. Ни на телевидении, ни еще выше я работать не хочу. Пошли, Сергей Васильевич. Домой дуже хочется. Всего полдня в Москве, а ощущение такое, что снова у проктолога побывал, – опираясь на батик, Калинин поковылял к станции метро.

Рядом с ним гуськом поплелся кадровик.

– Юрьевич, кроме шуток, напиши еще что-нибудь.

– А что конкретно?

– А знаешь что, напиши-ка про Левина.

– Это тот, который пять лет назад нас разводил по полной программе? Моими установочными данными пользовался и деньги на памятники погибшим чекистам собирал? Кстати, он вышел из тюрьмы?

– Не знаю.

– Как это не знаешь? Ты же следователем в то время был и вел его уголовное дело.

– Так это когда было...

– Время летит. А как вчера было. Эх, уходят годы...

– Кроме шуток, напиши.

– Да что в нем интересного? Дело как дело. У нас ежегодно подобных дел пруд пруди. Если я эту книгу напишу, то ее читать никто не будет. «По следам Башкира» вырвалась в финал только по причине того, что в ней были описаны боевые действия, террористы и героические будни чекистов с тонким чувством юмора. А что может быть вокруг мошенника? Народ прочтет и скажет: вот ФСБ делать нечего, пусть лучше шпионами и террористами занимается, а всякую там шваль оставят родной милиции на закуску.

– Ну не скажи, не скажи. Левин и ему подобные бьют по престижу нашей конторы, подрывают ее авторитет в глазах...

– Ты еще скажи: советского народа, – ухмыльнулся Калинин. – Без него полно лиц и организаций, которые с удовольствием это сделают. Нет, Васильевич, не буду я про него писать. Да и некогда мне.

– А ты знаешь, что та беременная баба, у которой мы в Муроме обыск делали, приехала к нему в следственную тюрьму на свидание и в камере родила?

– Прямо в камере?

– Ага. Переполох тогда в УИН случился.

– Вот бабы дуры!

Часть 1

Потомок Остапа

Глава 1

**Н-ск, следственная тюрьма, 18
января 2003 года, 9 часов 12 минут**

– Честно скажу, я оказался в Таджикистане из-за денег. Деньги, конечно, не панацея, но очень хорошо помогают против бедности. Их мне хотелось иметь много, хотелось быть богатым. В маленьком узбекском городке, где я родился и провел свое детство с отрочеством, состоятельных людей уважали. И неважно, кто ты: узбек, таджик, каракалпак или русский. Главное – твое имущественное состояние. А вот оно все время было ни к черту. Мои родители почему-то о деньгах не пеклись. Жили как могли на одну зарплату, принимая это за истину. Ну скажите мне, не идиоты ли они? А мне хотелось другой жизни. Светлой, насыщенной, богатой. Чтобы ни в чем себе не отказывать: покупать дорогие вещи, ходить по кабакам, снимать симпатичных длинноногих телок. Деньги – вот ради чего я решил рискнуть! Как говорит-

ся, кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Когда я попал в Душанбе, республику уже изрядно трясло. Кто с кем воевал, мне и сейчас непонятно, как непонятно было, на чьей я стороне. Кто свой, а кто чужой? При таких обстоятельствах рисковать жизнью – сущее безумие.

Слава богу, я попал в отряд, где были в основном наемники из Узбекистана, этнические узбеки. Хоть я по национальности и русский, но узбекский язык знал хорошо. Как-никак всю жизнь прокрутился среди этого коренного населения. Узбеки народ хороший, беззлобный, а главное, доверчивый. В сущности, это их качество и спасло меня в период боевых действий. Но об этом по порядку.

Абдула, наш командир, наемник из Афганистана, делил людей на трусов и смельчаков. Он был сухощавым узбеком небольшого роста, с маленьким раскосыми глазами, с непропорционально длинными руками, которые аккурат доставали до его колен. Абдула изо всех сил старался быть таким, каким, по его мнению, должен был быть настоящий моджахед – бесстрашным и мужественным. Таким же бесстрашным, как и противостоящие нам моджахеды-таджики, которых мы должны были убивать, а они, соответственно, нас. Он всегда смотрел прямо в глаза своему собеседнику, словно проверяя, кто перед ним – трус или храбрец. Он был настоящим профессиональным убийцей, не знающим жалости к своим врагам. А судя по всему, врагов в Таджикистане находилось в то время с избытком, словно весь мировой сброд

сконцентрировался вокруг Памира.

Много раз мне хотелось убежать из этого погрязшего в войне места. Война, как оказалось, не мое призвание. Но я знал, что пока не могу себе этого позволить. У меня не было ничего, кроме мечты разбогатеть. А сбежать – значит убить ее. Тогда в жизни не останется никакого смысла. Я не мог сбежать, не мог и остаться, потому что за каждым глиняным домом, за каждым углом и камнем меня поджидала женщина в темном капюшоне и острой косой. Звали эту женщину Смерть. Ее нельзя избежать, ведь она не собиралась уходить с пустыми руками... Так было всегда. Смерть всегда рядом с тобой, как только в руках у тебя оказывается оружие. Будешь ты готов или нет – неважно. Ей это безразлично. На войне она главная. И те, кто вступает на тропу войны, должны принимать ее правила игры. С другой стороны, я не верил, да и сейчас особо не верю, что есть какая-то загробная жизнь, которую боготворили тогдашние мои сослуживцы, совершая свои намазы и крича: «Аллаху Акбар» (Аллах велик). Где они, а где я! Идиоты!..

– И где они? – подполковник ФСБ Калинин усмехнулся и затушил в пепельнице очередной окурок.

– Все там же, гражданин начальник. На небесах, – ответил задержанный за мошенничество Левин Андрей Александрович, проходящий по оперативным документам под псевдонимом «Душман».

– Привыкаешь?

– К чему?

– К новой жизни, Андрей Александрович, арестантской, – подполковник почему-то грустно улыбнулся. – Вот, уже меня гражданином начальником называешь. А своему окружению говорил, что служишь под моим началом. Знаю, несколько месяцев назад с местной шпаной свое новое звание подполковника обмывал. Звездочки в стакан бросал. Погусарски пил. Я тебе скажу, у нас традиции иные. А ты фильмов насмотрелся... Да и в отделении ФСБ подполковничья должность всего одна. Ты уж на майоре остановился бы. Переборщил, коллега.

– Да все лохи, Юрьевич, в вашем сраном городке, лохи одни, – Левин с агрессией сплюнул на пол камеры следственного изолятора.

– Раз ты здесь, то позволь усомниться в твоих словах. Значит не все лохи.

– Ну переиграл, гражданин начальник, признаюсь, переиграл. Сам виноват. За это и расплачиваюсь. Надо было раньше валить отсюда.

– И что же тебе помешало?

– Как всегда, жадность. Хотел напоследок куш приличный сорвать. Я же практически подписал в ряде предприятий документы по перечислению финансовых средств на строительство мемориала погибшим воинам в Чечне. Счет в банке открыл. Хе-хе-хе...

– М-да... Андрей Александрович, был бы я милиционе-

ром, то обязательно в какую-нибудь ветеранскую организацию сообщил бы о том, как ты деньги зарабатываешь.

– Пустое, Андрей Юрьевич, вы что думаете, они другими путями себе благосостояние делают? Примерно так же, как и я. Только они лицо юридическое, а я – физическое. Независимое. Иными словами, не делюсь ни с кем.

– Ну ты же эксплуатируешь чувство сострадания. Это как-то не по-людски. Не по-человечески.

– Это мое ноу-хау, – усмехнулся Левин. – И знаешь, гражданин начальник, я тебе скажу, что пока существуют войны, всегда будут люди, которые без труда будут зарабатывать на них деньги. На смерти, сострадании и горе. Разве это плохо?

– Плохо. Очень плохо.

– А ты, Юрьевич, философски на это посмотри. Во время войны промышленность развивается. Народ сплачивается, все работают на победу. Появляются деньги. И как сказывали глубокоуважаемые мною Ильф и Петров: «Раз в стране бродят какие-то денежные знаки, то должны быть люди, у которых их много». И здесь появляюсь я – человек со следами войны, и аккуратно забираю часть из них. При этом богатеи получают удовольствие. И мне хорошо, да и им тоже. Так, что товарищ подполковник, у каждого человека своя правда, – Левин ехидно улыбнулся.

Таджикистан, Памир, граница с Афганистаном, 27 августа 1993 года, 16 часов 47 минут

Куда ни посмотришь, везде каменные горы с острыми выступами, отвесными крутыми склонами, которые под лучами красного опускающегося за горизонт солнца напоминают безжизненный марсианский пейзаж.

Солнце палило так, что казалось – земля раскалилась. Ни малейшего дуновения ветерка, которое заставило бы шелохнуться закрепившуюся в расщелинах скал траву. Все застыло в неподвижности. Камни стонали от пекла. Август обрушился на горный массив Памира с убежденностью в своей правоте. Невозможно было представить себе, чтобы на эту местность когда-нибудь мог бы пролиться дождь, как и вообразить, чтобы обитавшие здесь животные и растения могли найти под этим испепеляющим солнцем и высохшим небом хоть какой-нибудь корм. В это время здешняя земля была обречена гореть. И она горела...

После неожиданного налета авиации лагерь таджикской оппозиции, располагавшийся в приграничном с Афганистаном районе, был полностью уничтожен. Повсюду валялись изуродованные трупы и части человеческих тел. Кровь быстро застывала на скальных породах, делая их темно-бурыми.

Абдула лежал скорчившись, прижав руки животу. На бледном лице застыло удивление. Настоящая боль еще не

пришла, и он лежал тихо, глядя прямо перед собой. Можно было подумать, что он просто решил отдохнуть перед ужином, если бы не кровь, сочившаяся между пальцами, которые путались удерживать вываливающиеся из разорванной брюшины кишки. В воздухе еще витала пыль вперемежку с ароматными частицами авиационных бомб объемного действия. Пыль превращалась в песчинки, которые разрастались, наплывали на него, оборачиваясь в огромные валуны. Ему казалось, что он может сосчитать их все до единой, но дойти удалось лишь до пяти, а потом мысли путались, и приходилось начинать все сначала... После нескольких неудачных попыток он устало прикрыл глаза.

Ему так и не верилось, что это все случилось именно с ним. За все двенадцать лет, с того момента, как он взял в руки оружие, беда обходила его стороной. Были, конечно, небольшие раны, оставившие следы на теле, но чтобы так вот... И теперь он пытался сосчитать песчинки, почему-то думая, что это очень важно. А жизнь медленно вытекала из него на гранитное плато. С каждым ударом сердца, отдававшим тяжелым толчком в поврежденный живот, становится все труднее и труднее дышать. В глазах темнело, но помутившийся разум очередной раз заставлял считать песчинки: «Одна, две, три, четыре, пять... Нет, не так, сбился... Неужели это конец? И больше не будет ничего?... Аллаху Акбар... Одна, две, три... Как же так вышло?... Одна, две, три... Неужели это моя кровь?... Как ее много... Но почему

нет боли? Только тяжесть... Тяжело там, внизу... Тяжело... Одна, две... Опять сбился... Я умираю?... Жаль... Одна... Еще одна... Слишком темно... Чья это тень?...»

Это была не тень. Над Абдуллой склонился его подчиненный, исчезнувший за сутки из расположения отряда, Левин Андрей Александрович – жуликоватый русский паренек с позывным «Душман». Он держал на изготовке надежный АКМ, прозванный в народе «веслом».

– Ну что, Абдула, не повезло тебе? – ухмыляясь, произнес он и толкнул своего командира носком армейского берца.

От толчка пришла боль, а следом за ней и страх. Взгляд «Душмана» ничего хорошего не сулил. Он походил на острый нож для ритуально-жертвенного обряда в священный месяц Рамадан.

– Помоги мне, брат, – прошептал Абдула.

– Помоги? Вот как запел! Поделом тебе! Нечего было издеваться. Где деньги?

– Деньги?!

– Да деньги, мани-мани, капуста, баксы. Читай по губам: где американские доллары?

– Шайтан! Ничего ты не получишь.

Внезапно в голове Абдулы сложился ребус. Разгадка оказалось простой, и оттого в его душе засвербело. Неожиданное исчезновение «Душмана» перед доставкой из Душанбе очередного транша на вооруженную борьбу и сегодняшний налет вражеской авиации – звенья одной цепи. Страх сме-

нился ненавистью к этому гнусному славянину, черной глухой ненавистью, которая даже мертвого может поднять в атаку, потому что ненависть – лучшее лекарство от смерти.

Правая рука бросила бесполезное занятие – удерживать жизнь, и потянулась к кинжалу, прикрепленному ремнем к бедру. Потянулась медленно и незаметно, перед стремительным змеиным броском. А глаза взглядом удава стали гипнотизировать «Душмана». На губах застыла улыбка. В этот момент Абдула понял, что смерть все равно настигнет его, что бы он ни делал, как бы храбро ни бился, смерть рано или поздно нанесет свой завершающий удар. Но пока это не случилось, он решил сражаться, сражаться хотя бы за право умереть так, как он желал – с оружием в руках.

– Получу, Абдула, ей-богу получу, – рассмеялся Левин. Рука командира нащупала костяную рукоять ножа и незаметно освободила его от кожаных пут.

Схватка была короткой. «Душман» даже толком не понял, что произошло. Обжигающий свист клинка, душераздирающий вопль и громкий выстрел из автомата эхом прокатились по горным расщелинам. И вдруг все стихло...

Абдула бросил прощальный взгляд на белые шапки исполинов-гор, и прежде, чем глаза окутала пелена, он увидел, как с громким торжественным криком взмыла в угасающее небо огромная черная птица... Его обоюдоострый нож торчал из бедра противника, войдя в него по самую рукоять. Рука, привыкшая убивать, даже не почувствовала сопротив-

ления человеческой плоти.

– А-а-а! – закричал Левин, хватаясь за поврежденную ногу.

Для пущей убедительности он выпустил очередь из АК-Ма в своего бывшего командира, однако это было лишним. Абдула и так был уже мертв.

Удостоверившись, что уже ничто ему не угрожает, молодой человек сел на соседний валун, отмотал от деревянно-го приклада резиновый жгут и перетянул им свою ногу выше того места, где еще торчал нож, а затем с усилием вытянул его из тела. Пригодился и индивидуальный перевязочный пакет, который он достал из нагрудного кармана летней полевой формы одежды и которым аккуратно перебинтовал рану.

Времени оставалось все меньше и меньше. По его расчетам, через 30–40 минут должен появиться отряд спецназа ГРУ Генерального штаба Российской Федерации. Так что надо было спешить в поисках злополучных денег, ради которых он задумал и практически осуществил всю эту авантюру.

Заманчивая идея обогатиться пришла сама собой, когда месяц назад он проезжал на армейском УАЗе мимо здания российского посольства в Душанбе. Такие поездки были не редкость. В республиканском центре он появлялся примерно раз в неделю, чтобы пополнить запасы продовольствия и оружия для нужд отряда. Ездил, конечно, не один, а с двумя-тремя сослуживцами, переодетыми в форму российских

военнослужащих, наводнивших в то время город. Его выручала славянская внешность и артистические способности, которыми он умело пользовался, представляясь старшиной мотострелковой роты, прапорщиком Петровым. На молодого прапорщика никто особо внимания не обращал. Прапор – он и в Африке прапор. И если он находится в определенное время в определенном месте, значит, так и надо. Что-то ищет и добывает для своих бойцов, которые, как правило, шустирили рядом. А то, что их внешность отличалась от командира, так это просто объяснялось: в группе российских войск в Таджикистане служили люди многих национальностей.

План, как реализовать свою идею, созрел тут же, в УАЗе. Голова у Левина, надо признать, работала отменно, особенно в меркантильном направлении. И уже через час, сославшись на здоровую половую тягу, он оставил попутчиков в припаркованной рядом со складом машине, а сам оказался в здании посольства, где в одном из кабинетов и произошла первая встреча с сотрудником спецслужб.

Работавший под крышей секретаря посольства, полковник ГРУ Семенов Леонид Иванович, немало повидавший на своем веку, изрядно удивился предложению Левина и попытался уловить его мотив. Со слов «Душмана» выходило все складно. За предоставление возможности вылететь в Москву он готов передать информацию о транзите крупной партии героина из Афганистана в Таджикистан на участке границы, контролируемой незаконными вооруженными форми-

рованиями. Точка на разложенной топографической карте с грифом «секретно», указанная Левиным, как база боевиков, сняла все сомнения у Семенова. По оперативным данным, имеющимся в ГРУ, именно в этой местности действовал отряд узбекских наемников, воюющих на стороне оппозиции, а следовательно, узбеки и причастны к наркотрафику. К такому умозаключению и пришел полковник, однако, сославшись на некое согласование с вышестоящим командованием, от положительного решения воздержался, перенеся его на более поздний срок.

С этого времени встречи лжепрапорщика с сотрудниками ГРУ стали регулярными. В оперативных документах он фигурировал под псевдонимом Петров, но офицеры ГРУ не обратили на этот факт внимания. Тайный смысл этой распространенной в России фамилии знал лишь один Левин. Петров – это литературный псевдоним Евгения Петровича Катаева, погибшего в 1942 году на фронте, одного из авторов романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», рассказывающих о похождениях талантливого мошенника и авантюриста, сына турецкоподданного Остапа Бендера, являющегося у «Душмана» образцом для подражания.

Частые выезды Левина в Душанбе стали вызывать подозрения у Абдулы, который в конце концов устроил за ним самую настоящую слежку и вынудил позорно дезертировать из расположения отряда. Правда, получилось это как раз, кстати, накануне получения зарплаты для бойцов. Этим обстоя-

ательством и воспользовался новоявленный Петров, сообщивший своему куратору по спутниковому телефону, хранящемуся в тайнике неподалеку от базы, о прибытии на место крупной партии героина.

Авиация, налетевшая неизвестно откуда, сделала свое дело. Ужасный вой, гул, грохот и вопли были слышны за многие километры от места бомбардировки. А когда все закончилось и снова наступила вековая тишина, Левин вышел из укрытия и быстрым шагом направился по горной тропе к месту своей прежней службы, где он оказался через полтора часа.

И вот теперь хромая, он хаотично носился по лагерю, ища заветный металлический ящик, ключи от которого он только что сорвал со шнура на шее убитого им Абдулы. От дикой боли слезились глаза, напрягались все части тела и играли желваки. Хотелось остановиться и завывать, словно волк. Однако стрелки наручных часов предательски бежали вокруг своей оси, отсчитывая драгоценные минуты.

Осталось двадцать минут. Ничего. Он обшарил одежду у трех трупов. Добыча небольшая, несколько смятых российских и американских купюр, которых хватит лишь на один день беззаботной жизни.

Пятнадцать минут... Боль становится невыносимой, но останавливаться нельзя. Еще пять трупов, но это не те деньги. Их должно быть значительно больше. Если в карманах только мелочь – это хорошо. Значит, Абдула их не успел раз-

дать. Ящик, где этот чертов ящик?

Десять минут... Еще пять трупов. Где эти чертовы деньги. Господи, как больно! Зачем обшаривать трупы, это пустая трата времени. Надо искать ящик серого цвета...

Пять минут... Раздались звуки винтокрылой машины. Мощный военный вертолет без опознавательных знаков стал зависать над ущельем в поисках места посадки. Однако площадь этому не способствовала, мешали две скалы, стоящие почти вплотную друг к другу. Левин упал ниц и притворился мертвым, чтобы, не дай бог, снайпер не принял его за боевика. Лежа, он поблагодарил Абдулу за удачное месторасположение лагеря, а стало быть, и за представленное дополнительное время. Мало-мальская площадка для безопасной посадки вертолета находилась в полутора километрах от их базы, а значит, есть еще 10–15 минут. Удача на его стороне. Он приподнялся и чуть ли от радости не закричал. Ящик лежал рядом, достаточно протянуть к нему руку. Он был слегка помят, но все же узнаваем. Хотя, что-то было не так. Цвет. Цвет был незнакомым, бурым.

«Почему он такого цвета?» – подумал «Душман» и схватил его. Ко всему прочему, ящик был противно липким. Он бережно погладил его. За бурой массой появился знакомый, серый цвет, а ладонь приобрела грязно-красный оттенок. Тут-то до него дошло: «Это чья-то кровь?» Мысль выстрелила и обожгла руки, отчего портативный сейф со звоном упал и словно мяч, покатился в ущелье, увлекая за собой

мелкие камни. Превозмогая боль, Левин бросился за ним. Споткнулся, упал и кубарем покатился.

Земля – небо, земля – небо и свист в ушах... Бесконечное падение, отзывающееся ломотой и болью, словно тебя мелят в огромных жерновах. Только в самом низу хаотичное движение прекратилось. Перед глазами миллионы звезд и тошнота. Но эти чувства и ощущения померкли перед сейфом. Радость компенсировала и боль и головокружение. «Вот они, мои денежки!» – подумал «Душман» и засунул ключ в замочную скважину. Два оборота, и металлический ящик открылся. В нем лежали три толстых пачки стодолларовых купюр. Целое состояние, если учесть, что в Узбекистане двадцать долларов – это ежемесячный доход среднестатистического населения республики.

Засунув деньги за пазуху, он неожиданно ощутил смертельную усталость, словно одновременно все его жизненные силы иссякли и не осталось пресловутых внутренних резервов. Все давным-давно закончилось. Может быть, это было следствием потери крови, может – полученным при падении ударом по голове, а может, еще чем-то другим. Кто его знает? Да он и не стал задавать себе такие глупые вопросы. Просто сел на острые камни, вытянул раненую ногу и молча уставился на бескрайние каменные нагромождения, рисуя в своем воображении картины новой, светской жизни. Уж если мечтать, так ни в чем себе не отказывая. И он мечтал, поглаживая военное «хэбэ» на груди, где лежали деньги, способные

обеспечить в ближайшей перспективе безбедное существование.

Из сладких грез его вывели спецназовцы, всюду орудовавшие в лагере. Сверху раздавались их голоса, шутки и смех. Судя по всему, они уже «зачистили» местность и живых людей не обнаружили. Громогласный, слегка с хрипотцой бас полковника Семенова выделялся из многоголосья его подчиненных. От радости «Душман» чуть не заплакал. На слезы не было сил. Его словно выжали, как лимон. Наемника по прозвищу «Душман» больше не существовало. Осталась лишь пустая оболочка, которая могла двигаться и воспринимать окружающий мир, но не способная почувствовать ничего, кроме собственной пустоты. И эта «пустота» в надежде быть услышанной закричала. Сначала этот крик смахивал на стон умирающего человека, но потом что-то щелкнуло в гортани, и голос приобрел твердые, различимые нотки, тревожа обитателей скалистых гор.

– Товарищ полковник, это я, Петров. Я здесь, в ущелье, помогите, я ранен, – пустая оболочка Левина стала заполняться новой личностью, которая стремилась к свободе, к новой жизни.

– Держись, сынок, – полковник с двумя бойцами прыгнул с насыпи вниз, туда, где лежал Левин.

Сегодня Леонид Иванович на секретаря посольства был совсем не похож. Всему виной были новенький камуфляж, подчеркивающий атлетические рельефы тела, разгрузка на

четыре магазина к АКСУ и боевая раскраска лица. Все это не оставляло и намека на его былую мягкость и интеллигентность. Над Левиным склонился мужественный воин, который моментально оценил обстановку и спросил:

– Сам встать сможешь?

Тот с испугом посмотрел на крутой склон и, преодолевая боль, предпринял попытку подняться. Попутчики Семенова помогли ему, поддерживая раненного с обеих сторон.

– Колотая или огнестрельная? – поинтересовался полковник, кивая на ногу.

– Нож.

– Как это тебя угораздило?

– Дух один напал неожиданно, прямо перед вашим прилетом. Я успел его из «калаша» завалить.

– Ну ничего, до свадьбы заживет, – улыбнулся Семенов и тут же обратился к своим подчиненным. – Давайте, парни, доставим нашего героя наверх.

Легко сказать, наверх! Это метров пятнадцать-двадцать почти отвесного склона, сплошь покрытого мелкими сыпучими камнями. Их чуть тронешь, и они, словно ручей, приходят в движение и тащат путника к исходной точке. И так раз за разом. А ты, словно змея, прижимаешься к земле, руками впиваешься в камни, подгибаешь здоровую ногу под себя и отталкиваешься ее, а телом ощущаешь каждую выбоину, каждый камешек, каждую сухую ветку. Одно неверное движение, и ты катишься вниз, сдирая руки в кровь, сбивая

локти и колени.

Все же спецназовцы молодцы. С трудом, но они вытащили Левина наверх. Там полковник кинул ему армейскую флягу с теплой, отдающей хлоркой водой, которая на вкус оказалась чуть ли не самым благородным напитком.

– Ну что, боец, где они спрятали героин? – после того, как он утолил жажду, спросил Семенов.

– Я не знаю, Леонид Иванович. Вчера он был здесь, а сегодня... Я не знаю, куда он подевался.

Левин старался не отводить взгляда от голубых глаз полковника, всем своим существом показывая тому, что говорит правду.

– Как это не знаешь, Андрей? Ты что, решил с нами поиграть?

Семенов встал во весь свой двухметровый рост. На его лице заплясали раздражение и ярость.

– Был, я сам видел, – «Душман» огляделся по сторонам и неожиданно указал пальцем. – Вон там лежали мешки. Много мешков.

– Много? Это сколько?

– Наверное, десять, а может быть больше. Вот такая куча, – он руками продемонстрировал нечто большое.

– А ты случайно не видел, может, вертолет прилетал, и мешки...

– Нет, врать не буду. Чего не видел, того не видел, – не дав договорить своему куратору, скороговоркой пробубнил

Левин. – Может, ночью их перепрытали где-нибудь в горах? Вы же понимаете, они меня заподозрили в связях с вами... Я сбежал... Им ничего не оставалось делать, как вывести из лагеря героин. Они же могли подумать, что я вам сообщу, и вы его захватите.

– Подожди, а почему тогда они сами не покинули базу?

– Сами? – Левин задумался. Он начал понимать, что еще чуть-чуть, и он сам себя загонит в тупик, из которого ему не выбраться.

– Сами, сами. Почему тогда они не ушли из лагеря вместе с героином, – полковник раздраженно произнес, чеканя каждое слово.

– Я не знаю. Может сегодня хотели, но не успели? А может, планировали ловушку на вас устроить?

– Что-то мы «секретов» никаких не обнаружили. Смотри, Андрей, если ты нас обвел вокруг пальца, то тебе не поздоровится.

– Зачем мне вас обманывать? Вот посмотрите, я же ничего не соврал. Лагерь боевиков уничтожен?

– Ну уничтожен, – согласился полковник.

– Значит, я говорил правду. А что касается наркоты, ну не знаю, куда она подевалась. Хоть убейте, не знаю. Я считаю, что свои обязательства, я выполнил, теперь слово за вами. Можете, конечно, меня убить. Одним трупом больше, одним меньше, но я вам могу пригодиться, даже не здесь, а в России. А героин вы найдете, обязательно найдете. Не сего-

дня, так завтра, – «Душман» с подобострастием посмотрел на полковника, ожидая его вердикта.

Полковник задумался, потом видимо что-то решив, обреченно махнул мускулистой рукой и сказал:

– Черт с тобой, слово офицера, есть слово офицера. Будем считать, что это форс-мажорные обстоятельства.

Завтра-послезавтра людей побольше сюда нагоним и как следует обследуем близлежащую местность, да и с воздуха поработаем. Говоришь, найдем?

– Найдете, Леонид Иванович, обязательно найдете, – заскулил Левин и облегченно вздохнул, до конца не веря в свое чудесное спасение.

Глава 2

**Н-ск, следственная тюрьма, 18
января 2003 года, 11 часов 23 минуты**

– Полковник Семенов сдержал свое обещание. Поверил мне на слово. Наверное, тогда я понял, что люди слишком доверчивы. И это никак не зависело от их уровня образованности, интеллекта и социального положения. Доверчивы все: и крестьянин, работающий в поле, и домохозяйка, колдующая у плиты, и профессор престижного вуза, и даже высокое должностное лицо какой-нибудь спецслужбы. Доверчивость есть мудрость дураков, а с этой бедой в вашей, вернее, уже нашей стране как раз все в порядке. Пока она существует, я имею в виду «беда», можно особо не печься о дне грядущем.

Я немного расстроился, когда позже, уже в Москве узнал, что это не только мое открытие. Сами понимаете, начало девяностых – шальное время. Время МММ, «Хопер-инвеста» и еще десятка финансовых пирамид, вытягивающих из населения халявные деньги. Помните, как люди стояли в очередях, чтобы отдать свои «кровные» самым настоящим мошенникам? Почему это происходило? Я долго думал над этим. И знаете, к какому выводу я пришел? Я скажу, к очень интересному и простому выводу. Все дело в том, что неожиданно

поменялись жизненные ориентиры, и российская душа наконец-то вырвалась из оков советского тела.

Вылетела, одновременно освобождая дремавшие в обществе порочные инстинкты, присущие человечеству. Люди подумали, что наступил их черед богатеть. Заморские слова: акции, ваучеры, аккредитивы, бонусы, векселя, облигации, сертификаты и чеки стали плотно входить в наш обиход. Вкладываешь рубль, получаешь сто, а при этом и пальцем не пошевелишь. Такая была чудная арифметика. Это сейчас нас по-настоящему не проймешь даже фокусами Дэвида Копперфильда, но тогда любого человека можно было за просто удивить финансовыми выкрутасами. Ведь люди охотно верят тому, чему желают верить. А кто же не желал разбогатеть?...

– Ну а ты разбогател? – спросил Левина подполковник Калинин.

– Как и все предприимчивые люди, вначале разбогател. Правда, потом... – арестованный тяжело вздохнул.

**Пригород Душанбе, база российского
миротворческого контингента, 19
сентября 1993 года, 22 часа 15 минут**

Середина сентября в Таджикистане неотличима от любого месяца лета: голубое небо без признаков дождя, раскаляющее землю солнце и местные жители, словно зомби, мед-

ленно передвигающиеся по пыльным дорогам. И только там, высоко в горах, где с момента сотворения мира лежит снег, можно ощутить настоящую европейскую прохладу. Но там опасно. В горах много моджахедов, которые так и норовят пустьить в тебя порцию смертоносного металла.

Российская военная база жила по иным законам. Здесь все как в муравейнике. В этой сложной системе дорог и различных сооружений кипела неповторимая и интересная жизнь. Казармы, штабы, склады, автопарки и лазареты – все это было объединено каким-то тайным замыслом, доступным для понимания лишь просвещенным. Ни испепеляющая жара, ни близость к прифронтовым раскатам гражданской войны, раздирающей республику на части, не влияли на обитателей базы. Распорядок дня, утвержденный командованием, беспрекословно исполнялся.

Три недели, проведенные в медсанбате под присмотром квалифицированных врачей, сделали свое благотворное дело. Рана быстро зажила, оставив на бедре едва заметный рубец. Осталась небольшая хромота, компенсированная самодельным бати́ком, изготовленным из каштана. Батик и новенькая военная форма, подаренная накануне полковником, делала Левина настоящим боевым ветераном. Этот образ ему нравился. Он подолгу любовался собой, глядя в огромное зеркало, висящее в фойе госпиталя. Форма ему нравилась. В ней он чувствовал себя человеком, мужественным, стойким и красивым. Бог внешностью его не обделил: тем-

ные густые волосы, карие, чуть раскосые умные глаза, прямой нос, рост выше среднего и худощавое телосложение – типичный облик спецназовца, не лишенный благородства.

После того как через пару дней после госпитализации в медсанбате Левина посетил секретарь российского посольства, а по совместительству полковник ГРУ, и передал гостинцы, персонал и больные стали относиться к нему более чем уважительно. У нас уважают героев! Их боготворят. А он усилил эти чувства сначала у пациентов своей палаты, затем у медсестер и врачей, по вечерам рассказывая им о своих «подвигах» в тылу врага. Левин был один, а вот врагов и подвигов много. Свист пуль, разрывы снарядов и вопли умирающих товарищей, которых он выносил из-под шквального огня афганских душманов – это было шоу, устраиваемое им ежедневно после отбоя. В такое время в его палате собирались все, кто мог самостоятельно передвигаться. Открыв рты, они подолгу слушали его рассказы.

Не удивительно, что к моменту его выписки госпиталь «гудел». Стол накрыли в ординаторской, где собралось человек двадцать народу. Между людей было не протиснуться. Левин сиял от счастья. Он так мечтал об этой минуте. Минуте признания. Когда все на тебя так смотрят, так боготворят, так любят... К слову, и медсестры постарались. Откуда-то появились всевозможные деликатесы, которых в Таджикистане днем с огнем не сыщешь. Крепенькие маринованные огурцы, хрустящие во рту, ломтики поджаренных ба-

клажанов, которые просто таяли на языке, различная нарезка, ароматный козий сыр, вареное курдючное мясо, дымящаяся вареная картошка, заправленная зеленью и сливочным маслом, кусочки красной рыбы и еще Бог знает что. Несмотря на сухой закон, распространенный на базе, на столе выросли батареи сухого вина и водки. Много водки.

Блюда передавались с одного конца стола на другой. Каждый брал с удовольствием, и ему не приходилось выбирать, мог отведать все. В этот момент аппетит разыгрывается, и всем кажется, что они могут есть целую ночь, словно впереди их ждал голод, словно они едят последний раз в жизни. Раз пища на столе, значит, ее надо есть. Это своего рода инстинкт.

Разговоры текли под постукивание тарелок, вилок и стаканов. Говорили в основном о Левине, о том, как грустно расставаться с настоящим боевым офицером (в госпитале он присвоил себе воинское звание «лейтенант»). Пили за Родину, за Россию, за семьи, оставшиеся на «большой» земле. Пили за победу, за тех, кто на боевом посту, за тех, кто не пришел с задания. Пили за настоящих мужиков, потом за симпатичных женщин.

Через четыре часа все закончилось. Все были утомлены, как после боя. Утомлены и счастливы, что остались живы. Кто-то опустил голову на грудь и посапывал. Кто-то неуверенно передвигался в поисках кровати. Кто-то требовал продолжения банкета. Левин поглаживал колени сидящей ря-

дом медсестры, которая томно хихикала и что-то шептала ему на ухо.

Однако к исходу следующего дня, когда Левин будет за тысячи километров от этого места, их жизнь поблекнет, а земля треснет под их ногами. Несчастье вторгнется в их относительно спокойную жизнь. Большинство из находящихся в ординаторской людей не досчитается зарплаты, полученной в финслужбе накануне, документов и золотых украшений. Но пока об этом никто не думал. Кто мог, наполнял свой очередной стакан водкой или вином, что-то мычал и опрокидывал его вовнутрь. Под великодушным взором «героя» они все чувствовали себя необыкновенно счастливыми...

* * *

Утром к госпиталю подъехал новенький армейский уазик, за рулем которого сидел белобрысый прапорщик в голубом десантном берете. Всю дорогу к аэродрому он беспрерывно болтал, рассказывая анекдоты и последние новости с «большой» земли, откуда он недавно прибыл. А вот Левин непривычно молчал и, прижав к груди драгоценную спортивную сумку, вымученно улыбался. Покусывая нижнюю губу, он вспоминал проведенную ночь в одной постели с дежурной медсестрой. Он все еще ощущал запах ее дешевых духов и сладковатый привкус губной помады. В нагрудном кармане позвякивали ее золотые сережки с маленькими блестящими

прозрачными камешками и обручальное колечко, которое та носила на левой руке. Там же грели тело несколько серебряных крестиков, золотых цепочек, модных по тем временам мужских печаток и женских перстней, а также деньги – итог его ночного бдения.

На аэродроме, обдуваемом всеми ветрами, он проводил взглядом полковника Семенова, который махнул ему на прощание рукой и, улыбнувшись, зашел вовнутрь самолета. Сейчас ему хотелось петь и танцевать. Опасность, что его могли разоблачить, ушла в прошлое. Отныне он свободный человек. Человек без прошлого, но деньгами...

Самолет военно-транспортной авиации, прозванный среди вояк «бортом», простужено задрожал, круто сорвался с места и ринулся ввысь, оставляя позади стремительно уменьшающуюся землю, постепенно входя в другой, неизведанный мир, в котором нет границ.

До этого момента Левин не летал самолетами, еще не было расстояний для этого вида транспорта. Поэтому, впервые ощущая величие неба, ему в голову лезли дурные мысли, которые он, как мог, гнал прочь, одновременно вслушиваясь в вибрацию корпуса и скрипы обшивки, пытаясь уловить признаки начала катастрофы. Ему казалось, что этот маленький самолет обязательно начнет разваливаться на куски и красиво падать на это квадратное черное поле. Шансы на выживание нулевые. Иллюминатор притягивал как магнит, объединяя страх и красоту земли, которую он никогда не видел с

высоты птичьего полета.

Сквозь бесконечное голубое море воздуха земля выглядела миниатюрной, словно нарисованной акварелью на обычном листе ватмана. Величественные горы, игрушечные города и аулы, отличающиеся по цвету прямоугольниками, пересеченные реками и дорогами. Земля казалась незащищенной, как и он в этой летящей железной банке, похожей на обычный автобус. Он отвернулся от иллюминатора и к удивлению обнаружил, что в заполненном салоне никто не проявлял тревоги и беспокойства. Для этих людей, привыкших смотреть смерти с глаза, авиалайнер не новинка. Кто-то из них читал потрепанную книгу, кто-то дремал, прислонив коротко стриженую голову к холодному стеклу иллюминатора, некоторые разговаривали друг другом и смеялись, прапорщики, расположившиеся в самом хвосте летающей машины, пили из фляги теплый спирт и морщились после каждого глотка.

Неожиданно самолет уверенно вошел в облака, и за стеклом на расстоянии протянутой руки совершенно четко стал виден густой пар, обволакивающий корпус самолета. Левин испытал странное чувство утраты реальности – не было видно ни земли, ни голубого неба, и только белый светлый туман гладил маленький, хрупкий и беззащитный самолет. Ему даже казалось, что он слышит шорох, с каким туман касается обшивки. Внезапно он понял причину подступившего к горлу страха. На земле от него что-то будет зависеть – мож-

но спрятаться, убежать, отстреляться, и, черт возьми, если смерть все-таки настигнет, то там, внизу, на земле она будет иметь хоть какой-то смысл. А здесь, в воздухе, можешь погибнуть по ошибке похмельного пилота или недоглядевших технарей, и ничего с этим поделать не сможешь. Глупая и страшная смерть, хоть волком вой.

Вскоре самолет сбросил обороты и начал снижаться. Наступила неприятная поскрипывающая тишина. Землю не было видно, а летающий автобус, попадая в воздушные ямы, скрипел и качался. «Все, это конец», – прошептал Левин и стал молиться, прося помощи у всех богов, которых он знал наперечет.

Ближе к земле плотные серые облака расступились, и сквозь них он увидел огромную Москву. С каждой минутой она становилась все отчетливей, со своими монументальными зданиями, Кремлем, золотыми куполами, широкими закольцованными дорогами, сотнями тысяч машин и миллионами людей, спешившими неизвестно куда. Позади старая жизнь, впереди – пугающая неопределенность, а в настоящем – спортивная сумка с крупной суммой денег, сменой нижнего белья, туалетными принадлежностями и помятой бумажкой с телефонами коллег полковника Семенова.

Военный аэродром Чкаловский, спрятанный за столицей в сосновом бору, встретил пассажиров проливным дождем, обычным в это время года.

Напряженно вглядываясь в пассажиров, сошедших с са-

молета на мокрую взлетную полосу Чкаловского, Левин безошибочно выделил коротко стриженного, немного тучного молодого лейтенанта с выражением зубной боли и растерянности. Он глядел по сторонам и казался рыхлым. На его круглом лице под прямыми, торчащими волосами проступали капельки пота, которые тут же смывались дождем. Рядом с ним лежали три бесформенные спортивные сумки и мокли.

– Ну что «летеха», помочь? – Левин подошел к нему и сразу же взял одну сумку в руку.

– А тебе удобно? – лейтенант с сочувствием посмотрел на его каштановую трость.

– А, ты об этом. Духи зацепили в горах. Кстати, меня Андреем зовут. Тоже лейтенант. Спецназ ГРУ, – он протянул руку и искренне улыбнулся.

– Анатолий. Командир артиллерийского взвода.

Ладонь у толстяка оказалась на удивление твердой, словно камень.

– Ну что, Толик, бог войны, потопали отсюда?

– Пойдем, Андрюха, – артиллерист поднял с земли тяжелые сумки и направился в сторону аэропорта.

Левин поковылял за ним, по ходу рассказывая анекдот:

– Ползут две проститутки по горам. Глядят, табличка с надписью. Одна другой говорит: «Сколько живу, а первый раз вижу, чтобы слово «минет» писалось с двумя буквами «Н» и через пробел». Прикольно?

– А ты, Андрей, сколько времени в командировке нахо-

дился? – пыхтя, спросил Анатолий.

– Скоро год как исполнится.

– Фью, – присвистнул лейтенант. – Ничего себе, год! Это ж сбрендить можно. Мне, например, и трех месяцев хватило. Тамошняя жара изрядно надоела. В Москве хоть дожди идут. Хорошо. Хоть остужусь, а то постоянно под сплошным пеклом находился.

– А в горах, Толик, не так жарко было. Особенно высоко в горах. Там, даже летом снег лежит. Надо тебе было в горы ходить. Знаешь, как у Высоцкого: «Лучше гор могут быть только горы».

– Ну их к черту, эти горы со своими духами. Вот они где у меня, – лейтенант остановился, переводя дыхание, поставил сумки и раздраженно схватил себя за кадык.

– Фу ты, какой нервный, – засмеялся Левин и тоже положил сумки на асфальтовую дорожку. – А мне каково там было? Постоянно в горах с автоматом. Представляешь, забрасывают тебя на «вертушках» высоко-высоко в горы. Дают сухпак, и бегаешь по ним словно горный козел, отстреливаешь этих самых духов. А они в тебя стреляют. Неделю там пробыл, «вертушки» забрали, побрился, помылся, поспал в мягкой постели и через пару дней снова в горы, духов мочить.

– За год сколько ты моджахедов завалил? – слегка приоткрыв рот, спросил лейтенант.

– Если честно, то на третий месяц службы в Таджикистане

перестал считать. Приклад автомата от зарубок белым стал. Места для них не осталось. Да и душманы были не лыком шиты, потрепали нашего брата. Из моей группы только я и Пашка из Перми остались живыми, но сам видишь, какими, – Левин кивнул на батик. – Остальные полегли. Кстати, сам-то ты откуда родом?

– Из Сум.

– Где это?

– Украина. Ты что Сумское артиллерийское училище не знаешь? Артиллеристов-самоходчиков готовят.

– А Сумск... Просто не расслышал, дождь идет и самолеты ревут. Как же, как же Сумск...

– Не Сумск, а Сумы.

– Я и говорю – Сумы. Сумское училище. Ты, братан, к словам-то особо не придирайся. Ты лучше скажи, а в Москве, знакомые у тебя есть? Или так, проездом?

– Да я служу здесь недалеко, в Кантемировской дивизии. В офицерской общаге живу. А ты что, проездом или как?

– Видишь, подлечиться надо, Москву посмотреть и как следует отдохнуть от войны, чтобы потом с новыми силами духов мочить. Мне ж потом надо обратно, – вздохнул Левин.

– Так что тебе, остановиться негде?

– Ну-у-у, в гостинице остановлюсь. Да ты не переживай, Толя. Выжили там, и здесь не пропадем.

– Ты что, какая к черту гостиница! Ты знаешь, какие в Москве цены? Заоблачные! С нашей тобой зарплатой не раз-

бежишься, на пару дней проживания не хватит. Давай так, едем ко мне. Комнатка у меня не ахти какая, но разместимся. Мы же с тобой боевые офицеры. А у нас как: «Сам погибай, а товарища выручай!»

– Точно, как мудро сказано. Сам сочинил?

– Ну, Андрюха, ты и приколист. Александр Васильевич Суворов это сказал.

– А, это тот, кто постоянно бабе какой-то твердил: «До первой звезды нельзя»?

– Ну ты и приколист, – рассмеялся лейтенант. – С тобой, наверное, скучно не бывает. В каком училище так хохмить учат?

– В ПТУ, – не понял смеха лейтенанта Левин, ведь сам он действительно закончил лишь профтехучилище, получив образование мастера по ремонту теле-радио-аппаратуры, но на всякий случай тоже засмеялся.

– Нет, ну серьезно, какое ты военное училище окончил?

– Ты что, не знаешь гэрэушные училища?

– Не знаю. Может, Рязанское ВДВ?

– Точно. Рязанское ВДВ.

– Давно окончил?

– Да уж как четыре года.

– И что, все еще в лейтенантах ходишь? – ужаснулся Анатолий. – Тебе уже впору капитана получать, а ты все лейтенант. За какие такие грехи тебя не жалуют? Залетел где-то? А?

– Знаешь, Толя, давай не будем трогать эту тему. Неприятная она. Ну ладно, черт с тобой расскажу, – Левин махнул рукой и задумался, на ходу сочиняя очередную историю. – Короче, был я старшим лейтенантом, два месяца назад как был. И действительно ждал капитана. Однако, как назло, приехал в нашу часть генерал с проверкой. Ходил он значит, по расположению и всех отчитывал. То это ему не так, то другое не этак. Я только с гор вернулся, голодный, холодный и злой, а он мне заявляет, чего, говорит, ты такой не бритый. Ну я сгоряча его и послал куда подальше. Вот меня и разжаловали до лейтенанта.

– Да, Андрюха, не повезло тебе. Теперь уж генералом не станешь.

– Да на какой хрен, мне генеральские звезды? Я без них обойдусь. Мне бы подлечиться, а потом повоевать вдоволь.

Аэропорт стремительно пустел. От него суетливо разъезжались военные машины, микроавтобусы и пазики, загруженные под завязку. Уже здесь чувствовалось дыхание Москвы, которая слезам не верит. Работники военного аэропорта на прибывающих молодых, крепких, коротко стриженных людей смотрели с холодным равнодушием.

У самого входа, под зонтом стояла женщина в форме прапорщика.

– Девушка, родненькая, не подскажите, как нам добратся до Москвы? Мы с другом из Таджикистана прилетели, – Левин пытался быть вежливым, но на даму это не произвело

никакого впечатления.

Она косо бросила на него короткий равнодушный взгляд и нехотя ответила:

– Придется подождать, скоро должен наш автобус подъехать. Довезет до КПП, а там либо городской транспорт дождетесь, а если богатые, то поймаете такси.

Не столько ее слова, сколько выражение лица с тонкими бровями и тон голоса убили всякую охоту флиртовать. Он немного помок рядом с ней, не зная, что предпринять и, обреченно вздохнув, подошел к Анатолию.

– Злые у вас какие-то здесь бабы, – произнес он и, втянув голову в плечи, поднял воротник «хэбэ», защищаясь от теперь уже морозящего дождя.

– Давай, чтобы нам окончательно не промокнуть и не простыть, в зал ожидания зайдем. Там автобус и подождем, – предложил Анатолий и, не дождавшись согласия Левина, взял свой багаж и направился к стеклянной входной двери.

В не приспособленном для ожидания зале, окрашенном по-военному мутной голубой краской, шла выдача оружия пассажирам, прибывшим из «горячего» среднеазиатского региона. Бойкий капитан с петлицами военно-воздушных сил, словно перед революционным восстанием, доставал из металлических ящиков различное оружие, глядел на выгравированный номер и передавал его законным владельцем, угадывающим заветные колонки цифр.

Через некоторое время забавная «лотерея» закончилась,

ящики опустели, и капитан с удовлетворением покинул зал. Угрюмые обладатели оружия заметно повеселели и продолжили знакомиться друг с другом короткими вопросами «откуда?» и «куда?». Помещение словно по мановению волшебной палочки преобразилось. Стало как-то светлее. Причина была не только в выглянувшем из-за туч солнце, но и в каком-то всеобщем приподнятом настроении и ликовании. Радость – вот что объединяло всех собравшихся в зале. Именно радость. Они вернулись с войны, а все остальное трюнк-трава!

Глава 3

**Н-ск, следственная тюрьма, 18
января 2003 года, 14 часов 33 минуты**

– Самый большой город, который я видел до Москвы – Душанбе, со своим полумиллионным населением и прямоугольным расположением в Гиссарской долине. После маленького городка, в котором я родился, Душанбе показался мне столицей мира. Но Москва...

Москва меня поразила. Там я впервые очутился в метро. Я даже не представлял себе, что творится под землей. Сотни тысяч спешащих куда-то людей, не обращающих внимания друг на друга. Я покрывался липким холодным потом, когда спускался на эскалаторе вниз, в пугающую бездну. А когда из темного зева туннеля появился рычащий электропоезд, мужество и вовсе покинуло меня. Хотя я и не хотел показывать Анатолию свою провинциальную натуру, все же я запаниковал. Не знаю, заметил ли он это. Но тогда мне было все равно, лишь бы скорее выбраться из этого мрачного подземелья.

Бурлящий водоворот людей как соломинку на горной реке затолкал меня вглубь вагона, двери которого со свистом закрылись за моей спиной. Поезд тронулся, увозя меня в неиз-

вестность. Потом был автобус, затем электричка... Короче, очухался я только в офицерской общаге. И то не сразу сообразил, где я и что со мной. Кружилась голова, немели руки. Отсутствовали мысли. Я чувствовал себя редкостно разбито, словно побывал в мельничных жерновах.

– Я так понимаю, что ты клаустрофобией страдаешь? – спросил его Калинин.

– А что это за хрень? – удивился Левин.

**Московская область, г. Наро-Фоминск,
20 сентября 1993 года, 16 часов 23 минуты**

– Ну как тебе Москва? – спросил Анатолий.

– Жуть! Сколько же здесь людей?

– Миллионов десять.

Левин присвистнул, и они остановились у ручного шлагбаума, рядом с которым стоял солдат. Он козырнул и потребовал:

– Ваши документы, товарищи лейтенанты.

Анатолий положил свой багаж наземь, засунул руку в нагрудный карман и, вытащив зеленое удостоверение личности офицера, продемонстрировал его солдату. Тот внимательно изучил его, еще раз козырнул и, отдав лейтенанту, обратился к Левину.

– А ваши, товарищ лейтенант, документы?

– Ты что, боец, не видишь я после ранения? Вот сейчас все

брошу и буду в сумках ковыряться, – бойко ответил Левин.

– В общагу мы солдат идем. После командировки из Таджикистана. Со мной он, – вступился Анатолий.

– Так, товарищ лейтенант, меня же командир сожрет, если узнает, что я, не проверив документов, вас пропустил, – начал оправдываться караульный.

– Слышь, боец, я вещи разберу, найду свои документы и потом покажу. А командиру ты ничего не говори. Понятно?

– Понятно, товарищ лейтенант. Проходите, – он снова козырнул и поднял шлагбаум.

От КПП до офицерской общаги было рукой подать, метров двести, не больше. Трехэтажное здание сталинских времен с окрашенным серой краской фасадом располагалось вдали от административных корпусов и казарм кантемировской дивизии. По пути к нему Анатолий поинтересовался у Левина:

– А что ты, Андрей, не показал документы солдату? Он все-таки службу несет.

– Толя, ты же знаешь, где я служу. Разведка. А она, брат, вещь тонкая, и не допускает, чтобы каждый встречный и поперечный свой нос совал, куда не следует. Понятно?

– Что-то не очень.

– Ну представь, пройдет время, этот солдат уволится и уедет черт-те куда, а я, предположим, буду там выполнять важное государственное задание. Увидит он меня и скажет – так это же разведчик! И все, Толя, задание-то провалено. И

как тебе такое развитие ситуации?... Поэтому, по инструкции, мы документов никому не должны показывать.

– А, вот оно как, – задумался Анатолий. – Так бы и сказал, а то я подумал...

– А ты не думай. Если что, ты спрашивай, а я тебе в рамках дозволенного расскажу. Сам понимаешь, служба моя секретная.

Внутри общежития стоял полумрак. Свет в коридор проникал лишь из двух прямоугольных окон, зеркально размещенных с торцов здания. Покрытый линолеумом пол был в многочисленных бетонных проплешинах. Поднявшись на второй этаж, точную копию первого, Анатолий задержался у темно-желтой двери с табличкой «27», постукивая себя по карманам. Ключ нашелся быстро. Он легко вошел в замок, который, издав громкий хруст, открылся, отворяя дверь комнаты.

– Проходи, Андрей, будь как дома, – широко улыбаясь, произнес лейтенант и легонько подтолкнул Левина в спину, пропуская его вперед.

– Но не забывай, что в гостях.

– Нет, нет, что ты. Мой дом – твой дом.

Десятиметровая комната лейтенанта показалась Левину неживой. За время отсутствия хозяина она словно погрузилась в летаргический сон. Окна были плотно закрыты, а шторы опущены. Повсюду тонким слоем лежала пыль. На настенной вешалке расположилась несвежая полевая форма

одежды. Звезды на кителе потускнели в ожидании прибытия своего владельца. Возникло тягостное ощущение большой, невосполнимой утраты.

Металлическая панцирная кровать, доставленная из казармы, почувствовав тяжесть сумок, радостно скрипнула. Анатолий подошел к окну и раздвинул занавески, пропуская в помещение яркий солнечный свет, который и разбудил сонное королевство. Неизвестно откуда появилась тучная муха. Она сделала несколько кругов, приземлилась на пыльный стол, на котором удобно разместился телевизор с видеоплеером, и стала демонстративно потирать свои лапки. Анатолий напрягся и совершил стремительный бросок, направив мощь своей руки на бедное насекомое. Сильный удар потряс стол. Поднялась пыль. Но муха не пострадала, оказавшись проворней его. Она недовольно взлетела и взяла курс на коридор, где и исчезла.

– Значит так, – упираясь руками в бока, задумчиво сказал хозяин. – Раскладушку я сейчас найду. Туалет и душ находятся в самом конце коридора, там же есть общая кухня. Ты располагайся, а я в магазин смотаюсь, что-нибудь похавать куплю.

– Что значит – похавать?

– Ну поесть, пожрать, поужинать.

– А, это дело нужное, – улыбнулся Левин и полез в карман.

– Нет, нет, что ты, – Анатолий замахал руками. – Ты у меня в гостях, денег не надо. Они тебе еще пригодятся.

– Ну как знаешь. Как говорится, хозяин – барин, – Левин развернулся и поковылял к своей сумке, а Анатолий, закрыв дверь, направился в магазин.

Пока отсутствовал хозяин комнаты, Левин провел ее тщательный досмотр. Под кроватью он обнаружил два объемных чемодана. К его разочарованию, кроме военного обмундирования, ничего в них стоящего не лежало. Две пары черных носков, новенькая зеленая майка и такого же цвета трусы быстро перекочевали в его сумку. В стареньком, слегка перекошенном гардеробе тоже, кроме зимней «афганки», ничего не висело, а на его полочках пылились три белоснежные простыни с черными оттисками воинской части. Гражданской одежды не наблюдалось.

Проклиная военную нищету, он в конце концов обратил свой взор на новенький видеоплеер марки «Орион» и даже проверил его работоспособность, подключив к сети питания.

И только экран телевизора вспыхнул, как открылась дверь, и вошел капитан. Офицеру на вид было около тридцати. Густые черные усы слегка зашевелились, и он в недоумении спросил:

– Ты что здесь делаешь?

– А Толик в магазин пошел, – растерявшись, пробормотал Левин.

– Так Анатолий приехал?

– Приехал, товарищ капитан, приехал. Мы сегодня военным бортом из Душанбе прилетели. Меня Андреем зовут.

Андрей Петров, – Левин протянул руку и двинулся на встречу к капитану.

– Капитан Зиновьев, Игорь Анатольевич, – он пожал протянутую руку, прошел вглубь комнаты и бесцеремонно сел на кровать.

– А вы его друг?

– Скорее командир. Я командир батареи, где он служит, – ответил он, и немного подумав, спросил: – Ну как там, в Таджикистане?

– Война, Игорь Анатольевич, самая настоящая война.

– Стреляют?

– Еще как. Вот и меня маленько зацепило, – Левин взял батик в руку и постучал им по своей ноге.

– Меня тоже в Афгане зацепило в ногу. Полежал, похромал, попрыгал, и отпустило. Так ты вместе с Толиком служил?

– В соседней части. Я из спецназа ГРУ.

– О! Серьезная контора. Уважаю. И давно ты там?

– Год почти. Сейчас в отпуске по ранению. Решил Москву посмотреть, а Толик пригласил...

– Это дело полезное. Я сам здесь уже два года, а все не досуг выехать в Москву.

– Это как сапожник без сапог?

– Ну примерно так. Со службы хрен сорвешься. Тем более, сам понимаешь, что сейчас в столице творится.

– А что такое? – удивился Левин.

– Сразу видно, из-за границы прибыл. В Москве сейчас жарко.

– Да разве здесь жарко, товарищ капитан, вот в Душанбе...

– Нет, я имею в политическом плане. Нашу дивизию готовят бросить в Москву для политических разборок. Правда, пока ищут добровольцев. А у нас, сам понимаешь, как, добровольно – значит, принудительно. Я два года назад из ГСВГ только приехал и сразу на путч попал. ГКЧП – зрелище не для слабонервных. Ведь не для этого мы военные училища заканчивали, чтобы с народом своим воевать.

– А ты, Михайлович, – Левин незаметно перешел на «ты». – Сумское училище закончил?

– Нет, Коломенское ВАКУ.

– А я – Рязанское ВДВ.

– О! Так мы ж с тобой почти земляки, – обрадовался капитан.

Левин растерялся, не зная географии и мест расположения военных училищ, но для порядка улыбнулся и сказал:

– Точно, Володя, земляки!

– Помнишь, Андрюха, Сельцы?

– Да кто ж его не помнит. Это еще тот фрукт, – не понимая, о чем идет речь, ответил Левин.

– Ты что, прикалываешься? Сельцы – это же наш полевой лагерь, рядом с Константиново, родиной Есенина. Там наше училище летом расквартировывалось, неподалеку связисты,

автомобилисты и вы – десантура, стояли.

– А я тебе об этом и говорю. Сельцы – это не мед. Как вспомнишь учебу, так выть хочется. Подъем, зарядка, завтрак, прыжки... Не мед! Даже вспоминать тошно.

– А я наоборот, вспоминаю с радостью. Жизнь в училище – самые незабываемые годы моей службы. Кстати, я ведь тоже десантный факультет окончил. Потом – ТуркВО, Афган, ДШБ, Германия и эта гребаная Москва, – он зло сплюнул на пол. – И чего некоторые офицеры сюда стремятся? Была б моя воля, так я бы куда-нибудь на Восток подался, в Забайкалье или на худой конец – Приморье. Короче, подальше от МВО.

– А я после училища все время в средней Азии околачиваюсь, – облегченно вздохнул Левин.

– Ну прыгаете вы там?

– А как же, прыгаем по горам, как бараны. Бывало, расщелину пятиметровую в полном снаряжении перепрыгивали.

– Ты опять прикалываешься? – засмеялся капитан. – Я имею в виду, с парашюта.

– А с парашюта? Так ты так и говори. Не так часто, но прыгаем. С самолетов и вертолетов.

– А с каких марок?

– Да с разных. Последний раз прыгали с Ту-134, – Левин назвал единственную знакомую ему марку самолета, отчего у капитана приоткрылся рот.

– Да хватит врать! С него невозможно прыгать. Стопудо-

вая смерть! – возразил он.

– Кому нельзя, а спецназу ГРУ – можно. У нас специальные приспособления есть, чтобы прыгать с этого самолета. Секретные, – последнее слово он произнес полупшепотом и для отвода глаз осмотрелся.

Полному разоблачению Левина помешал прибывший Толик. Он вошел в комнату, держа в обеих руках по внушительному пластиковому пакету, из одного из которых торчала бутылка «Столичной».

– Что за шум, а драки нету, – радостно пропел он, а, увидев своего командира, положил на пол пакеты и по-военному отрапортовал: – Товарищ капитан, лейтенант Ильин из командировки прибыл. Во время командировки замечаний не имел.

Капитан сначала поздоровался с ним за руку, а потом по-кавказски обнял, приговаривая:

– Здорово, Толян, как я рад!

– И я Игорь Анатольевич, тоже рад. В гостях хорошо, а дома – лучше. Вы уже познакомились? – Анатолий посмотрел на хмурого Левина.

– Познакомились с твоим командиром, познакомились, – пробурчал он и молча сел на кровать.

– Да вот, Толя, мы оказывается, с Андреем в Сельцах пересекались. Он же Рязанскую десантуру окончил, а я КВАКУ.

– Вот здорово! Говорят же – земля круглая, – радостно

заклучил Анатолий и стал вынимать из пакетов провиант. – Мы с самого Душанбе маковой росинки во рту не держали. Проголодались – страсть. Да, Андрей?

– Угу, – промычал он и встал. – Давай, помогу что ли.

Он залез в свою сумку и вытащил боевой трофеей – нож Абдулы. Увидев его, офицеры присвистнули.

– Дай-ка посмотреть, – попросил капитан. Левин протянул холодное оружие и с гордостью сказал:

– В бою добыл. Он для меня – талисман. Знаете, сколько я им духов замочил? Страсть!

– Да, такого сокровища я не видел, даже в Афганистане, – с удовольствием рассматривая нож, с завистью прошептал капитан. – Не уступишь? Любые деньги даю.

– Володя, ну что по нынешним временам деньги? Ничто! Прокучу их. И денег нет, ни ножа, а он для меня – талисман. Боевой нож!

– Вижу, что боевой, – капитан, словно саблей со свистом рассек ножом воздух и с сожалением передал его в руки Левина.

– Андрей, не жалко им колбасу резать? – вмешался Анатолий.

– Жалко, а ведь кушать хочется, – рассмеялся Левин и стал помогать лейтенанту.

Через десять минут застеленный армейскими газетами стол был заставлен едой. В это время в дверь постучали.

– Да, да, – Анатолий встал и пошел ее открывать. За две-

рю находились два офицера батареи Зиновьева.

– Разрешите, товарищ капитан, обратиться к лейтенанту Ильину, – козырнул старший лейтенант.

– Валяйте, – с полуулыбкой произнес комбат.

– То-лик, – растягивая имя взводного, старлей бросился в объятия своего друга. – Толик, брат, бродяга! Сколько лет, сколько зим!

– Да всего-то три месяца прошло. Я ж на летнем отдыхе там находился, – смущаясь, ответил Ильин.

– Ну герой, ну, герой, – командир взвода управления, оттолкнув старшего офицера батареи, тоже обнял друга.

– Вы что, на запах пришли что ли? Кто в батарее остался? – недовольно пробурчал комбат.

– Так, Игорь Анатольевич, по части такие новости быстро разлетаются. А в батарее старшина остался за старшего. Пусть хоть сегодня порулит. Такой день, такой день, – старлей потряс перед собой кулаками, пытаясь визуальным образом показать важность и значимость этого дня.

А день потихоньку угасал. За окном смеркалось. Слушая хмельные разговоры военной братии, Левин искренне завидовал офицерам, хотя и много из того, что они говорили, он не понимал. Доступная им аббревиатура, загоняла его в тупик, заставляя смущаться и огибать острые углы беседы.

На второй бутылке офицеры запели. Их репертуар был невелик, но емок. Начали со «Священной войны», плавно переходящей в «День Победы», потом была песня из культо-

вого фильма «Курский вокзал» – «Десятый наш десантный батальон», затем пели про танкистов, а закончили, как и следовало ожидать, маршем артиллеристов. Капитан Зиновьев все время дирижировал, активно размахивая руками, сжатыми до белизны в кулаки, – легендарный Александр Васильевич Александров, да и только.

После третьей бутылки комбат разошелся, вспоминая афганское лихолетье. Он стучал кулаком по столу, несколько раз провозглашал третий тост и пускал скупую мужскую слезу. Подобраться к четвертой бутылке, принесенной старлем, помешали две женщины, неизвестно откуда появившиеся в накуренной комнате. Это были жены офицеров. Капитан возмущаясь, было пошел в атаку, но, получив от супруги достойный отпор, моментально ретировался и, извиняясь за неудобства, ушел спать, а за ним, пошатываясь, удалились остальные. Ночь была в разгаре. Первая ночь Левина вдали от родных мест, в Москве, которую он прибыл покорять...

Глава 4

**Н-ск, следственная тюрьма, 18
января 2003 года, 14 часов 53 минуты**

– В офицерской общаге я прожил в общей сложности тринадцать дней. Чертову дюжину. Утром, как правило, выезжал в Москву, где празднично шатался в поисках работы, а вечером возвращался в часть и непременно с двумя-тремя бутылками водки, которые за незатейливыми светскими беседами в кругу коллег Анатолия мы выпивали.

О времени, проведенном среди офицеров, я нисколько не пожалел. Для меня это было своеобразной школой, можно сказать, курсом молодого бойца, вернее – подготовки начинающего офицера Российской армии. Я стал маломальски разбираться в хитроумных перипетиях воинской службы, обстоятельно узнал об учебе в военных училищах и нынешней армейской жизни. Теперь я не шарахался и не замирал, потяя, слыша неизвестные мне сокращения типа: ТуркВО, ЗабВО, МВО, ГСВГ и ДШБ, а понимал, о чем идет речь. Позже мне эти знания пригодились. С помощью них я внес необходимые коррективы в свою легенду, и теперь она звучала правдоподобно.

Не знаю, как сейчас, но тогда в Москве в любом переходе

можно было справить всякий документ за небольшие деньги. Всего за сотню долларов мне изготовили удостоверение сотрудника главного разведывательного управления Генерального штаба на имя капитана Петрова Андрея Александровича, а еще за сотню – капитана внутренних войск МВД. Каково было мое удивление, когда, раскрыв красные ксивы, я обнаружил свою физиономию в повседневной военной форме одежды со знаками различий и колодкой государственных наград, хотя уверен, что передавал «кулибинным» совсем другую фотографию. Чтобы как-то соответствовать своему фотооблику, я на блошином рынке приобрел краповый берет и колодку на грудь. Последняя меня и подвела...

– Каким образом? – спросил Калинин.

– Каким, каким, обычным, гражданин начальник. Я долго выбирал у продавца колодки. Остановился на одной, из трех рядов. Вроде бы солидно и не так бросается в глаза, как у генералов, – Левин вздохнул и потер левую щеку.

**г. Москва, 2 октября 1993
года, 13 часов 15 минут**

Неожиданно Москва опустела. Она, словно глубоководный батискаф, стремительно погружалась в бездну анархии и безвластия. Правила дорожного движения уже никто не соблюдал. Милиция куда-то исчезла с улиц, зато ее место стали занимать сотни молодых вооруженных солдат и офицеров с

волчьим, безжизненным взглядом. Время от времени, что-то громя, по городу бродили толпы вооруженных люмпенов с грозным видом. В переулках раздавались одиночные выстрелы и человеческие вопли.

На Калининском проспекте, у здания столичной мэрии собралась внушительная толпа и слушала полоумного генерала, требовавшего раскулачить олигархов-евреев и повсеместно запретить еврейские организации. «Теперь у нас не будет ни мэров, ни пэров, ни херов», – вещал он, а толпа дружно ликовала, размахивая поверх голов орудиями пролетариата.

Странная и жутковатая картина...

Видя все это из окон близлежащего полупустого кафе, Левин усмехался. Так эти безобразия напоминали ему кровавый Таджикистан: такие же глуповатые люди, та же арматура и похожие, словно братья из ларца, лидеры-ораторы. Измени им одежду, перейди на таджикский язык, в крайнем случае, внеси в их речь тонкий, слегка потешный азиатский акцент, и генерал Макашов немедленно превратился бы в одного из отцов оппозиции с кровавыми по локоть руками. «О, люди! О, нравы!» – думал он, запивая котлету бокалом нефильтрованного пива.

Все же его настроение было как никогда хорошим. Душа пела. Он, по сути дела, легализовался. В его кармане лежали два еще пахнувших типографской краской удостоверения офицеров российских спецслужб, орден Красной Звез-

ды, только что приобретенный на «развале», и солидная колодка с лентами от государственных наград. «Теперь можно начинать жить на полную катушку», – радовался он.

Пообедав, он расплатился с официантом, оставив тому щедрые чаевые, и, выйдя на улицу, от нечего делать присоединился к митингующим. Люди в каком-то безумстве торжествовали, выкрикивали революционные лозунги в предвкушении кровопролитных игрещ – любимых во все времена развлечений homo sapiens'a. Толпа ликовала: «Хлеба и зрелищ!» Ликовал и Левин, подбадривая стоящих рядом с ним людей, периодически обнимал их, похлопывая по спидам.

– Есть ли среди вас офицеры? – неожиданно раздался громогласный вопрос генерала.

– Есть! – крикнул сосед Левина и, подмигнув ему, подтолкнул к трибуне.

Левин сразу растерялся, но, взяв себя в руки, направился сквозь расступившуюся перед ним толпу к импровизированной трибуне. Среди прибывших офицеров он был пятым по счету, а по возрасту самым молодым. Остальные, все как один, – ветераны, уволенные с военной службы еще до горбачевской перестройки.

– Ваше звание и последняя должность? – словно попугай спрашивал у каждого генерал.

Левин оказался единственным «строевым офицером», имеющим боевой опыт. Ветераны большую часть службы по-

святили тылу или партполитработе.

– Товарищ капитан, я вас назначаю командиром отдельной роты охраны Белого дома. Остальных офицеров, – слегка подумав, произнес Макашов, отчего у Левина екнуло сердце и душа ушла в пятки, – командирами взводов. Сейчас выдвигайтесь к объекту вместе со своей ротой, – он кивнул на толпу. – И приступайте к несению службы.

– А как быть с оружием? – спросил его Левин.

– Все, кто может держать оружие в руках, его получают на месте, в Белом доме. Враг будет разбит, победа будет за нами! Слава России! – выкрикнул Макашов, и толпа его поддержала боевым кличем. После чего под неусыпным взором вооруженной до зубов охраны он сел в черный «мерседес» и укатил в неизвестном направлении, оставив «капитана» наедине со своей армией.

– Товарищи, встречаемся у Белого дома, – все, что мог, выкрикнул Левин и быстрым шагом направился к ближайшей станции метро, а зайдя в подземку, побежал.

Естественно, у Белого дома он не появился. Война с ее последствиями – не его удел. Маршрут передвижения был знакомым. Он каждый раз заканчивался у КПП кантемировской дивизии, где в этот день нес службу знакомый солдат.

– Здравия желаю, товарищ лей... – боец растерялся, увидев на плечах Левина по четыре маленьких звездочки.

– Товарищ капитан, – поправил его мошеник.

– Так, как это?

– А вот так вот. Будешь хорошо служить, глядишь, уволишься старшим сержантом, а то и старшиной.

Солдат молча отдал честь и поднял шлагбаум.

В прокуренной комнате у холостого Ильина, как всегда, было много народу. Офицеры вчетвером играли в преферанс. Откуда-то принесенный журнальный столик испытывал на себе смачные удары карт и шлепки ладоней. Тут же лежала тетрадка с записями пули. В этот раз комбат работал писарем.

Преферанс на протяжении многих эпох привлекал к себе людей разных профессий широким выбором возможностей и вариантов развития игры, но только офицеры ее приватизировали, дав второе имя. Преферанс – офицерская игра!

Если карты позволяли брать взятки – хорошо, чем больше, тем лучше, но не менее шести. Если совсем пришла мелочь, то появлялась возможность сыграть мизер – не взять ни одной взятки. Особенно весело разыгрывались распасы – надо постараться взять как можно меньше взяток. В преферансе сложно жульничать. Исход игры зависит от удачи, очередности хода и расчета вероятностного расклада. Поэтому игра и притягательна.

– Восемь пик, – после долгой торговли с Ильиным, громко произнес слегка покрасневший комбат.

– Игорь Анатольевич, опять блефуете? Посмотрите, какая у вас гора. Здесь же на пару пузырей «Столичной» набежало. Как рассчитываться собираетесь? – старлей весело подмиг-

нул лейтенанту.

– Не твое дело. Проиграю – отдам, – злобно отрубил капитан и сбросил снос.

– Вист. Ложимся, – предложил Анатолий и, раскрыв свои и карты старлея на столе, стал их изучать. Через минуту его настроение улетучилось, и он с обидой произнес: – Товарищ капитан, так играть нельзя. У вас стопудовый недозаклад. Это не честно!

– А мы не договаривались о закладах. Не надо было вистовать, – во весь рот улыбнулся капитан.

– Да у вас «тотус» на руках, а вы восьмерную заказали.

– Согласен на «тотус»?

– Согласен.

– Так и запишем: мне шесть в пулю, а тебе шесть в гору. А вы говорили: «две бутылки водки, две бутылки водки». Еще неизвестно, кто проиграет, – капитан смешал карты и, взяв остро отточенный карандаш, внес результат розыгрыша в тетрадь, а потом весело ударил ладонями по столу и повернул голову в сторону двери, где тихо стоял Левин. – О! Андрюха, ты пришел?

– Да вот стою, смотрю, как вы играете. Что эта за игра?

– Ну ты даешь? – удивился капитан. – А еще разведчиком называешься. Это преферанс, самая что ни на есть офицерская игра. Ты меня удивляешь, дружище. Первый раз вижу офицера, не знающего преферанс. Этому же практически в училище учат!

– Так я в училище учился, а не в карты играл.

– Ладно, спишем на твою бурную молодость и всего две звезды на погонах. Проходи. Садись рядом и учись.

Левин прошел вглубь комнаты и уселся на кровать между капитаном и старлеем. Положил себе сумку на колени, раскрыл ее и вытащил две бутылки водки.

– Вот за что я люблю нашу разведку, так это за ее проницательность, – потирая руки, сказал капитан и добавил. – Так какой у нас сегодня повод?

– Вот посмотрите на мои погоны, – с гордостью сказал Левин.

– Ни хрена себе! – почти в один голос прошептали офицеры.

– Это что, в ГРУ звания через ступень присваивают? – удивился Зиновьев.

– Это долгая история, – ответил Левин и стал скручивать пробку с бутылки.

– Андрей раньше рассказывал, что он был уже старшим лейтенантом. Он послал на три буквы генерала, и его разжаловали, – подсказал Ильин.

– О! Это по-нашему! – засмеялся комбат.

– Вот за одну операцию, в которую я разработал и осуществил, с меня сняли взыскание и присвоили очередное звание и сегодня вручили очередную правительственную награду, орден Красной Звезды!

– Во-первых, не правительственную, а государственную.

Правительственных наград уже много лет не существует, а во-вторых, орденом Красной Звезды, если не изменяет память, уже как пару лет не награждают, – лицо комбата стало вдруг серьезным и сосредоточенным.

– А меня наградили, – с вызовом сказал Левин.

– Ну покажи тогда.

Левин вытащил из нагрудного кармана орден и положил его на стол.

– Ух, ты! И, правда, это орден Красной Звезды! – с восхищением сказал Ильин и взял его в руки. – Настоящий!

– Вот его-то мне в Генеральном штабе и вручили, – с гордостью произнес мошенник.

– А документы на него у тебя есть? – с подозрением спросил капитан.

– Документы?

– Ну конечно. К любой государственной награде документы должны быть. А как иначе?

– А документы к личному делу приобщаются.

– В личное дело вносится выписка из указа, а документы на руках должны оставаться.

– Так это для обычных офицеров, а у нас, гэрэушников, все в личное дело приобщается, – вывернулся Левин.

– Игорь Анатольевич, да что вы к нему привязались? – вмешался старлей. – Андрей звание получил, награду, выпивку принес, а мы ему допрос устраиваем, как-то это не по-нашему. Что мы, особисты какие-то? Радоваться за нашего

друга надо, а не подозревать что-то. У него своя контора, а у нас своя. Может, у них в Генеральном штабе так и происходит. Это же разведка!

– Да при чем здесь разведка. Мы же в одной армии служим, в одном министерстве обороны. Я понимаю, он бы сказал, что служит в КГБ. Это другое ведомство, следовательно, могут быть другие правила ведения наших личных дел, а тут... А ну-ка покажи мне орден. Самому интересно.

Лейтенант протянул ему награду Левина. Капитан взял ее в руки и перевернул тыльной стороной.

– Что ты, капитан, хочешь там увидеть? – поинтересовался Левин и напрягся.

– Номер! – обрубил он и тут же попросил лейтенанта: – Толя, включи свет, а то у тебя здесь темно стало.

Ильин встал и включил свет, а капитан внимательно стал изучать орден, потом вдруг недобро ухмыльнулся и сказал:

– Липа! Самая настоящая липа!

– Так разве орден не настоящий? – удивился командир взвода управления.

– Нет, с орденом все в порядке. Он настоящий. А вот этот молодой человек, так называемый капитан, фуфловый.

Левин встал с кровати и, сжав кулаки, грозно сказал:

– Ты капитан говори, говори, да не заговаривайся, а том можно...

– Что, молодой человек можно? Продолжай, – комбат тоже встал и прямо посмотрел в глаза Левина.

– Вы что творите, товарищи офицеры, – между ними прыгнул старлей, пытаясь воспрепятствовать зарождавшейся драке.

– Ты, Серега не суетись. Я тебе скажу, этот орден был вручен лет пятьдесят-шестьдесят назад. Я свой орден получил в восемьдесят седьмом, в Афгане. Так вот его номер на несколько десятков тысяч в большую сторону отличается от номера этого ордена. Ты лучше спроси Толика, где он это чудо раскопал?

– Так мы с ним вместе на самолете из Душанбе прилетели, – испуганно прошептал лейтенант.

– А ты документы его смотрел, раз в режимную часть привел? Может, он диверсант какой-то или шпион.

– Да вот мои документы, – Левин вытащил удостоверение и протянул его капитану. – На, подавись, смотри.

Капитан Зиновьев раскрыл красную книжку и внимательно стал ее рассматривать, а потом от души рассмеялся.

– Ну рассмешил, капитан Петров, ну рассмешил. Так, Серега, дуй в штаб, вызывай особистов, это их клиент.

– А в чем дело? – испуганно спросил Левин.

– У тебя, что на фотографии висит на груди?

– Награды!

– А ты можешь их перечислить?

– А с какого хрена, Вова, я тебе их должен перечислять?

Ты что, прокурор?

– Военный прокурор сейчас прибудет. За этим не заржа-

веет. Давай, Серега, кому говорю, иди, ищи особистов, а я пока этому кадру объясню, какими наградами он обвешан.

– Объясни, – с вызовом сказал Левин, а у самого где-то внутри похолодело.

– Первым идет орден Ленина.

– Ну и чего, есть у меня такой орден. Дома лежит.

– Орден боевого красного знамени. Орден Октябрьской Революции. Ха-ха-ха. Ты капитан, наверное, и Зимний брал и, судя по всему – Берлин, Прагу, а еще и Севастополь защищал. Ничего не скажешь, герой! Не стареют душой ветераны. Ха-ха-ха.

– Отдай! – закричал Левин.

– Особисты тебе отдадут или прокурор отдаст, – зло произнес капитан и попытался засунуть удостоверение в карман.

В это время Левин неожиданно бросился на комбата, пытаясь вырвать из его рук, свою собственность, но капитан был начеку. Резким ударом в челюсть он сбил мошенника с ног и добродушно сказал:

– М-да, спецназовец из тебя никакой. Работать надо над собой, молодой человек, и зарядкой заниматься.

– Если бы не ранение, я бы тебе показал.

– Ну вставай тогда, показывай, на что ты годен, – ухмыляясь, сказал капитан и сделал шаг назад.

– Михайлович, может не надо? Хватит с него. Пусть особисты с ним разбираются, – взмолился Ильин.

– Нет уж, мужики, пусть покажет, на что наш спецназ ГРУ

способен.

– Отпустите меня, – захныкал Левин. – Я вам денег дам. Много дам. Вот смотрите, сколько у меня денег, – он открыл сумку и, достав нож, закричал: – Суки, порежу всех на хрен! Все к окну!

Он схватил свою палку и быстро выбежал из общаги, не дождавшись особистов, перемахнул через бетонный забор и оказался за пределами воинской части. Спасла темнота и густой кустарник, полностью потерявший свою листву. Шум погони слышался недолго. Офицеры немного побегали между деревьев и, матерясь, скрылись в темноте, а Левин поплелся к электричке, проклиная «кулибиных» за халтуру. Эту ночь он провел на вокзале...

Глава 5

**Н-ск, следственная тюрьма, 18
января 2003 года, 15 часов 21 минута**

– В унылых, грязных, обшарпанных вокзалах и аэропортах я проводил много времени, думая о бессмысленности и серости своего существования, о жизненных невзгодах. Я туда приходил, когда оказывался на мели, из-за экономии денег. Расположившись в кресле в каком-нибудь безлюдном зале ожидания, я ощущал одиночество и грусть. И чтобы как-то забыться и скрасить тоску, я читал. Читал все, что попадалось под руку, бывало по нескольку дней, не вставая с места. А еще каждый раз с вокзалов я начинал новую жизнь, напрочь перечеркивая старую.

Там, в перерывах между посадками в поезд или самолет, человек чувствует себя необычно. Притупляется его критичность. Без исключения в каждом из сидящих пассажиров он видит друга, собеседника или собутыльника, которому можно излить свою душу, рассказать о терзающих тебя сомнениях, попросить совета или подсказать. Все равно, когда в конце концов прибудешь к точке назначения, эти мимолетные встречи сразу исчезнут из памяти, и никто в тебя не будет тыкать пальцем и смеяться из-за проявленной тобою слабо-

сти. На вокзалах люди сопереживают, они становятся такими, какие есть на самом деле, словно дети.

Я предпочитал женщин с неброской внешностью и немного старше себя. Познакомиться с ними было просто, и я редко получал отказ. Сперва они смущенно хихикали, но я представлял все таким образом, что им казалось естественным принять приглашение незнакомого мужчины. Я давал им возможность почувствовать себя избранными. Они и были избранными. Случалось, у них возникали надежды, которые я не мог оправдать, тогда мне приходилось с ними объясняться, а я старался этого избегать. Каждая женщина стремилась насытиться мною, а я ею. Вопрос был только в том, кто из нас первым поблагодарит другого за угощение.

– Ты с потерпевшими знакомился на вокзале? – спросил его подполковник Калинин.

– Что значит, гражданин начальник, с потерпевшими? Я может быть, им давал значительно больше, чем брал.

– Ну что, например?

– Например, надежду, радость, перспективу. Продолжать?

**г. Новосибирск, аэропорт Толмачево,
18 декабря 1994 года, 17 часов 30 минут**

Лизе, или, как ее уважительно называли на работе, Елизавете Петровне, было без малого тридцать, когда в ее активную жизнь ворвался Левин. За ее плечами головокружитель-

ная карьера банковского работника и трое мужчин, успешных наплевать на нее. У нее отцовский цвет глаз и его крупная фигура, а от матери досталась темная круглая родинка на левой щеке и близорукость, а еще боязнь одиночества. Несмотря на неброскую внешность, душа у нее была открытая, а ум пытливый. Все эти качества она, как могла, скрывала от окружающих, но не от самой себя. У нее был дневник, в который она вписывала свои самые сокровенные желания. И когда она грустила, то наливала себе бокал вина, брала дневник и читала, запершись на кухне.

Как-то в толстенной и совсем неинтересной книге английского экспериментального биолога и натуралиста Дж. Хаксли «Эволюция. Современный синтез» она прочитала, что эволюция от простейших животных организмов до человека прошла в четыре этапа. Только на последнем, четвертом появляется человек. Его-то она и ждала, надеялась и верила, что он обязательно появится в ее несчастной жизни.

Она родила дочь, когда ей едва исполнилось девятнадцать лет. Его не было с ней в больнице, не было и тогда, когда она выходила оттуда. Когда она рожала, он спал, когда покидала роддом, он пил водку с друзьями. Первый муж был ее ровесником. В течение двух лет она терпеливо убеждала, что теперь ребенок не он, а их дочь, и ему следует вести себя как мужчине. Он соглашался, но уже через несколько часов снова превращался в обыкновенную амебу. Сразу же после развода она забыла о нем навсегда, даже первая брачная ночь

стерлась из ее ясной памяти.

Со вторым мужем Лиза познакомилась в книжном магазине. Он привлек ее своим острым умом. Как потом оказалось, он схитрил, попросив у продавца книгу, которую знал почти на зубок. Проникшись очарованием его личности, ровно через месяц она переехала в его двухкомнатную квартиру, доставшуюся ему после смерти деда – ветерана Великой Отечественной войны. Он работал журналистом в местной газете. Писал в основном о провинциальных скандалах. Она готовила для него, стирала носки и трусы, гладила рубашки, читала книги, чтобы потом пересказать их содержание для очередной его статьи. Она ни разу не испытала с ним оргазм. В постели он был похож на кролика. Поспешно засовывал в нее свой довольно маленький член, больно кусал за соски, кончал и быстро убегал в ванную. Однажды она вернулась с работы раньше обычного и застучала его в постели с пассивной, как и он, работающей в газете.

Целый год она зализывала раны, грустила, плакала по ночам, склонившись над кроваткой дочери, не желая ей подобной участи. Однажды летом, на пляже она познакомилась с загорелым, атлетически сложенным мужчиной, который ей посоветовал беречься от солнечных ожогов. Потом он предложил проводить ее до дому. Она согласилась. Первые две недели они гуляли вечерами по светящемуся Новосибирску, и она ни разу не подала ему руки. Потом она сдалась. В постели он был похож на обезьяну. Не давал ей уснуть. Через

каждые пятнадцать минут после неистового секса он снова хотел ее. Правда, ни после первого, ни после второго раза им было не о чем говорить. Через два месяца она перестала отвечать на его назойливые телефонные звонки...

«Вот он, четвертый: симпатичный стройный, с мужественными чертами лица и разумным взглядом», – подумала она, когда в аэропорту Толмачево посмотрела ему в глаза. Самолет привез ее из Москвы, где она находилась на трехдневном семинаре банковских работников. Почему она разглядела именно его глаза, хотя вокруг было столько людей, она не понимала. Но из тысяч прибывающих и улетающих граждан только этот мужчина в военном камуфляже и краповом берете заинтересовал ее. На вид ему было примерно столько же, как и ей, под тридцать. В правой руке он держал темную спортивную сумку, а в его левой находилась каштановая трость. Когда их взгляды встретились, он искренне улыбнулся и, словно своей старой знакомой, кивнул, одновременно на мгновение закрыл большие, слегка раскосые глаза, как бы говоря: «Все будет хорошо». От этого жеста у Лизы перехватило дыхание, закружилась голова и, отбивая барабанную дробь, застучало сердце. «Четвертый!» – снова на задворках сознания промелькнула шальная мысль.

Левин осмотрелся и с улыбкой направился к ней, а, подойдя, бросил сумку на пол, протянул руку и представился: – Андрей Александрович, офицер Главного разведывательного управления Генерального штаба. После ранения в

Чечне еду домой. Мы с вами знакомы? Просто...

– Вряд ли, – покраснела Лиза и опустила глаза.

– Тогда давайте знакомиться, – с улыбкой предложил Левин.

– Лиза, – женщина протянула руку, а, почувствовав прикосновение, вдруг спохватилась: – Я хотела сказать, Елизавета Петровна.

Левин неожиданно рассмеялся и сказал:

– А говорите, что мы не знакомы.

– А разве... Я вас что-то не припоминаю, – Лиза стала всматриваться в его лицо, одежду, обувь, спортивную сумку и даже деревянный батик, безуспешно пытаясь уловить что-нибудь знакомое.

– Да вы, Елизавета Петровна, меня не знаете, зато я знаю о вас очень много.

– Да? – удивилась она.

– Конечно. Знаю вас, отца вашего государя-батюшку Петра I, и матушку вашу императрицу Екатерину I. Знаю, что вы возведены на престол благодаря нам, своей гвардии. Так что совсем не удивительно, ваше высочество, что я вас знаю, а вы меня – нет.

– Ой, Андрей Александрович, какой вы все же шутник.

– Я не шутник, а ваш гвардеец. Позвольте, я помогу вам донести ваши вещи и осуществлю вашу личную охрану вплоть до самой резиденции? – он в ожидании вердикта согнулся пополам, шутливо демонстрируя свою преданность, а

потом добавил: – Понимаете ли, это прерогатива только императриц.

– В отличие от своей мамы, Екатерины I, у меня не было фаворита в лице князя Меншикова, – флиртуя, засмеялась Елизавета и позволила Левину взять ее не такой уж и тяжелый багаж.

– Зачем вам этот старик Меншиков? Чем я вам не фаворит? Может, пока я и не так богат, как он, но вскоре мне должны выплатить за ранение кругленькую сумму, и тогда мы с вами, Елизавета Петровна, сможем позабыть о государевых делах.

Нахрапистость и уверенность этого офицера сводила с ума, хватала за живое и тащила в какую-то пучину страстей, в волнах которых казалось Лизе, она будет необыкновенно счастлива. «Четвертый», – снова подумала она и уверенно, стуча каблучками зимних сапог по гранитному полу, направилась к выходу...

Он проводил ее до дома, вошел в квартиру, грубо овладел ею и остался, давая ей ростки надежды на простое женское счастье, которого так не хватало ей в последние годы. Первое время он прилежно исполнял роль «четвертого»: говорил с Лизой о книгах, прочтенных на вокзалах и в поездах; проводил с ней бессонные ночи, совершая немислимые па в постели; следил за водопроводом и канализацией, готовил ей узбекский плов. И все происходило как бы само собой, без пошлостей, чему способствовала, надо сказать, ее размерен-

ная жизнь. Левин добился своего: Лиза его боготворила, а ее маленькая дочка – обожала, нет-нет, а скажет: «папа Андрей». Ему нравилось ездить в метро, ходить в зоопарк, а потом сидеть с Лизой и ее дочерью в кафе и есть мороженое.

Целый месяц беззаботной жизни пролетел, как один день. Лиза все чаще задерживалась на работе, начиная банковский год, а Левин, запертый в четырех стенах, чахнул. Нет, нельзя сказать, что такая жизнь была для него в тягость, но для человека, привыкшего к свободе и частой смене места жительства, рано или поздно наступает критический момент. И этот момент, словно громыхающий паровоз, приближался, ведь Лиза была для него всего лишь, как мадам Грицацуева для Остапа Бендера, «знойной женщиной – мечтой поэта», персонаж, который в фильме «Двенадцать стульев», так блистательно сыграла актриса Наталья Крачковская. К слову, эту книгу и «Золотой теленок» Левин бережно хранил в своей спортивной сумке, оберегая от посторонних глаз, и время от времени их перечитывал. Особенно ему нравились эти строки:

«Лежа в теплой до вониючести дворницкой, Остап Бендер отшлифовывал в мыслях два возможных варианта своей карьеры.

Можно было сделаться многоженцем и спокойно переезжать из города в город, таская за собой новый чемодан с захваченными у дежурной жены ценными вещами. А можно было еще завтра же пойти в Стардеткомиссию и предложить им взять на себя

распространение еще не написанной, но гениально задуманной картины «Большевики пишут письмо Чемберлену» по популярной картине художника Репина: «Запорожцы пишут письмо султану». В случае удачи этот вариант мог бы принести рублей четыреста.

Оба варианта были задуманы Остапом во время его последнего пребывания в Москве. Вариант с многоженством родился под влиянием вычитанного в вечерней газете судебного отчета, где ясно указывалось, что некий многоженец получил всего два года без строгой изоляции. Вариант № 2 родился в голове Бендера, когда он по контрамарке обозревал выставку АХРР.

Однако оба варианта имели свои недостатки. Начать карьеру многоженца без дивного, серого в яблоках, костюма было невозможно. К тому же нужно было иметь хотя бы десять рублей для представительства и обольщения. Можно было, конечно, жениться и в походном зеленом костюме, потому что мужская сила и красота Бендера были совершенно неотразимы для провинциальных Маргарит на выданье, но это было бы, как говорил Остап: «Низкий сорт. Не чистая работа». С картиной тоже не все обстояло гладко. Могли встретиться чисто технические затруднения».

Очередной раз прочитав их, он с полуулыбкой задумался, вспоминая всех своих прошлых женщин, каждый раз без оглядки бросавшихся в его мужественные, крепкие объ-

тия: Светлану, очарованную его шрамом на бедре; нежную Ирочку – буфетчицу на вокзале, целовавшую в подсобке его грудь; коммерсанта Марью Ильиничну, полноватую женщину с грустными глазами, отдававшуюся ему словно последний раз; Зиночку – учительницу физики из Ярославля, мечтавшую поехать с ним в Чечню... Женщин было много. Их всех объединяли неброская внешность и отсутствие мужского внимания.

– Знойная женщина, мечта поэта, – словно заклинание, в пылу страсти он шептал каждой из них на ухо, а про себя цитировал Остапа:

«Провинциальная непосредственность. В центре таких субтропиков давно уже нет, но на периферии, на местах – еще встречаются».

Каждой он дарил что-то особенное и неповторимое. Эти подарки нельзя было потрогать, понюхать, ощутить на вкус, продать, обменять или подарить. Они нематериальны. Но как ни странно, они восполняли душевную пустоту и серость их бытия. Левину нравилось видеть, как они ему улыбались, ибо в нем было нечто неотразимое. И неотразимость эта объяснялась не только безукоризненной военной формой с солидной колодкой государственных наград, но и тем, как он играл роль простого, не избалованного судьбой мужика, вернувшегося с войны.

Однако, отдавая, он брал. У Светы – накопленные на холодильник деньги и пять акций МММ. Ирина недосчиталась

видеомагнитофона, золотой цепочки с кулоном в виде сперматозоида, трех перстней со стразами и обручального колечка (деньги она хранила в сберегательной кассе). Марья Ильинична лишилась мягкой мебели (!), трех тысяч долларов США, отложенных на поездку в Турцию, трех кожаных курток и четырех норковых шапок, не говоря о трех десятках дефицитных книг. Зиночке, если так можно сказать, повезло больше, у нее исчезли лишь мизерная учительская зарплата, старый будильник и последняя надежда...

Так же, как и «известный теплотехник и истребитель Остап-Сулейман-Берта-Мария Бендер-бей», Левин делал карьеру в двух направлениях. Если по женской части он строго следовал советам великого комбинатора, спокойно переезжая из города в город с захваченными у дежурной жены ценными вещами, то *«рисовать т. Калинина в папахе и белой бурке, а т. Чичерина – голым по пояс»*, он не хотел, и каждый раз произносил сакраментальную остаповскую фразу: *«Не будет того эффекта!»* Да и четыреста рублей по нынешним временам не такие уж и большие деньги. И он пошел другим путем, подсказанным еще в госпитале самим провидением, по военной карьерной лестнице.

Глава 6

**Н-ск, следственная тюрьма, 19
января 2003 года, 10 часов 32 минуты**

– В то время я носил в своей голове сотни идей, которые все прибывали и прибывали. Они лились из меня, словно из рога изобилия, и я не успевал их удерживать, как появлялись новые, более удачные.

Лучше всего мне всегда было в собственном обществе. Эти привычки из детства. В юности я тоже много времени проводил в одиночестве. Мне нравилось сидеть одному, погружившись в размышления, и мечтать. Тогда я грезил о дальних странствиях и опасных приключениях, сюжеты которых могли лечь в основу многих романов. Однако писать романы – занятие слишком обыденное. Романы пишут люди односторонние, не понимающие, что вокруг них существует целый мир, который рано или поздно прекратит свое существование. Повзрослев, я стал реалистом, осознавая, что могу свободно реализовывать свои мечты. Но для этого требовался сущий пустяк – деньги. Запрягаться, словно вол, в монотонную работу и жить от аванса до полочки я не хотел. Не по мне это! А с другой стороны, из-за отсутствия денег я не смог бы ездить куда захочу и, следовательно, потерял бы

самое дорогое, что есть у меня – свободу выбора, а значит, и мечту.

Озарение пришло, как всегда, неожиданно. Я говорю об этом лишь потому, что могу точно назвать время и место, где эта светлая мысль впервые пришла мне в голову. Это случилось в Новосибирске, дома у Лизы, когда я смотрел по телевизору в прямом эфире американские бомбежки Югославии.

– Случайно, не она тебя привела на тюремные нары? – усмехаясь, спросил его Калинин.

– Она, гражданин начальник. Она, родная! Но тогда мне казалось, что эта идея идеальна и, реализовав ее, я смогу долго не думать о хлебе насущном.

– Так, Андрей, если посмотреть с точки зрения мыслей о хлебе насущном, то так оно, наверное, и было. Если не изменяет память, пять лет тебе тогда дали?

– Пять, гражданин начальник, – Левин тяжело вздохнул и, опустив глаза, задумался.

**г. Новосибирск, 18 января
1995 года, 13 часов 30 минут**

В тот холодный зимний день Левин долго слонялся по городу, пока не зашел в кафе. Народу за столиками было мало. И если бы не группка офицеров, самозабвенно употребляющих алкоголь, то заведение и вовсе пустовало бы. Бармен

за стойкой сучал. Облокотившись на стол, он равнодушно смотрел в окно, за которым шел густой снег. Офицеры то и дело подливали друг другу водку, не закусывая, выпивали ее и громко разговаривали. Не нужно было иметь тонкого слуха, чтобы понять, о чем между ними шла беседа. Именно звучавшие в их устах слова: Югославия, Косово, Сербия и Албания привлекли внимание Левина, который немедленно заказал у официанта бутылку водки и передал ее на соседний столик.

«Действовать смело. Никого не расспрашивать. Побольше цинизма. Людям это нравится. Через третьих лиц ничего не предпринимать. Дураков больше нет. Никто для вас не станет таскать бриллианты из чужого кармана. Но и без уголовщины. Кодекс мы должны чтить», – Левин вспомнил заветы великого комбинатора и пересел к офицерам.

Лишь несколько минут разговор не клеился, но после того, как Левин рассказал о недавнем своем прибытии из Югославии, где он находился в служебной командировке, все заговорили свободно, словно старые знакомые. Капитан и два старлея с интересом слушали пересказанный в художественной обработке Левина телевизионный репортаж из горячей точки: о широком Дунае и чистых песочных пляжах Адриатического моря, великолепных горных хребтах Сербского нагорья и простирающихся на его склонах виноградниках. Это, пожалуй, были все его географические познания той местности. Но повествовал он так ярко и живо, что ни у кого

не возникло подозрений в некомпетентности рассказчика.

После очередной рюмки капитан вздохнул и с завистью произнес:

– Эх, везет же некоторым. Я, например, за всю свою службу за границей так и не побывал. Наверное, там еще и валютой платят?

– А как же, Сергей, 150 долларов в сутки плюс полный пансион. Трехразовое питание и хорошая гостиница в твоём распоряжении. А служба – мед. Мама не горюй.

– Это что, в месяц по четыре с половиной тысячи долларов, получается? – спросил один из старших лейтенантов и от удивления приоткрыл рот.

– Это только голый оклад. Там еще масса разных премиальных. За конкретные боевые операции, за руководство подразделениями, знания иностранного языка и тому подобное. И того набегает тысяч по восемь-десять баксов.

Услышав это, офицеры вмиг протрезвели, и капитан спросил:

– А как туда попасть служить? Подскажи.

– А что подсказывать? Я знаю, что сейчас ГРУ осуществляет туда набор специалистов. Но сами, мужики, понимаете, это мероприятие не официальное, с грифом «секретно». Я, например, чтобы в полку никто не узнал, в отпуск пошел, и месяц добросовестно в Югославии отбарабанил на стороне сербов. Целых тридцать суток. Ну не отдохнул годик, зато десятку зелени привез. Сейчас иномарку себе куплю. А с

другой стороны, сейчас подумаю, напишу рапорт на увольнение и подамся к сербам или албанцам. Кто будет платить больше, за тех и воевать буду. Зато до конца жизни себя обеспечу безбедное существование. Вот сколько вы сейчас получаете?

– Если нашу зарплату перевести в доллары, то хорошо, если полтинник выйдет, а так и того меньше. Сам знаешь, военные сейчас не в почете, – с горечью произнес капитан и не слишком сильно ударил кулаком по столу.

– Тихо, тихо, – в азарте прошептал Левин. – Вы лучше представьте разницу между десятью тысячами долларов США и той мизерной зарплатой, которую мы с вами получаем. Есть разница?

– Еще какая! – почти в один голос крикнули офицеры.

– Вот поэтому и хочется все бросить и уехать туда, где платят больше. Нищета вот где у нас, – капитан провел ребром ладони по шее и тяжело вздохнул.

– Ладно, мужики, я пока обещать ничего не буду, потому что привык держать слово офицера, но обязательно сегодня-завтра все разузнаю. Позвоню куда надо и все выясню, а потом доложу. Но сразу спрошу, вы туда действительно готовы ехать или это пьяный базар? А то получится, я сейчас больших людей в ГРУ подтяну, а вы вдруг на попятную пойдете. Представляете, каково мне будет?

– Ты чего, Андрей, охренел что ли? Да кто же от такой возможности откажется?

Наученный горьким опытом неудачного контакта с офицерами, он теперь действовал осторожно, чтобы не засыпаться на мелочах. Уже в этот же день, придя домой к Лизе, он сел за письменный стол и стал творить, не испытывая никаких угрызений совести. И даже пришедшая с работы Лиза – бесстыдная в своей преданности и циничная в нежности, не помешала ему родить документ, имеющий модное иностранное название – контракт. По его мнению, это слово должно было оказать магическое воздействие на офицеров, перешедших несколько лет назад на контрактные условия службы.

Когда он закончил свою работу и зашел в спальню, Лиза в соблазнительном нижнем белье лежала поверх постели и смотрела телевизор. Дочь по обыкновению находилась у ее родителей. Лиза томно посмотрела в его глаза и сказала:

– Андрей, у меня к тебе есть одна просьба, которая может растянуться на целую жизнь.

– Фьють, – он присвистнул. Первый раз ему предлагали что-то, что могло растянуться на целую жизнь. – Растянуться? – удивился он. – Красивое слово.

– Я хочу забеременеть от тебя. Ты единственный мужчина, от которого я бы хотела иметь ребенка. Это я еще поняла во время нашей встречи в аэропорту, когда увидела тебя. Ты веришь в любовь с первого взгляда?

От неожиданности такого предложения он безвольно сел

на краешек кровати и глупо заулыбался. Еще бы: впервые кто-то просит его подарить ему ребенка. И это человек, с которым связаны лишь меркантильные цели, и от которого вот-вот он должен уйти. Сама мысль взглянуть в глаза собственному ребенку ему была неприятна.

– Так ты меня, Лиза, совсем не знаешь! – прошептал он.

– Я тебя отлично знаю. Ты будешь хорошим отцом. Я же вижу, как ты относишься к моей дочери.

– Но у меня же опасная работа. Я скоро должен буду на время уехать в Югославию. Вот уже и контракт готов, – он потряс перед ее лицом, исписанными от руки листками бумаги. – Кстати, ты не сможешь завтра их распечатать и размножить, этак в экземплярах двадцати?

– Я все равно хочу забеременеть от тебя, – повторила она. – И не важно, что ты на время уедешь. Я понимаю, какая у тебя опасная работа. Но пока ты будешь отсутствовать, вместо тебя у меня будет твой сын.

– А если родится дочь? – Левин глупо улыбнулся и неуклюже почесал макушку. Он был так захвачен этой перспективой, что кровь бросилась ему в голову, где блуждали сотни разных неприятных фантазий. Быть отцом, уважаемым семьянином – эта роль не для него.

– Нет, от тебя может быть только сын. Я это чувствую.

– Нет, Лиза, я так не могу. Я человек порядочный и плодиться вне брака не могу. Мне нужно подумать. Это очень ответственный шаг. Вначале мы с тобой распишемся и сыг-

раем свадьбу, а потом будем делать ребенка. Ты согласна?

– Это предложение? – Лиза встала на четвереньки. Ее глаза заблестели, а лицо растянулось в улыбке.

– Так точно, – по-военному выдал он, а про себя снова подумал: «Провинциальная непосредственность, одним словом, дура».

После этих слов женщина вскочила во весь свой рост и, не боясь повредить кровать своей излишней массой, словно ребенок, запрыгала на ней, выкрикивая боевой клич: «Урра!»

Левин грустно улыбнулся и неожиданно схватился за голову и опустил глаза. Лиза заметила это и спросила:

– Ты что пожалел о том, что только сказал?

– Нет, Лиза. Я просто подумал о том, на что мы будем играть свадьбу. Дело в том, что документы на компенсацию за ранение где-то в Москве затерялись. А значит, на неопределенное время задерживаются и финансы. Я не знаю, что и делать. Этой суммы нам бы хватило и на шикарную свадьбу, и на медовый месяц.

– Разве это проблема, Андрей, – искренне обрадовалась женщина. – Ты же знаешь, где я работаю. Завтра же получу кредит. А как страховка придет, мы его сразу же и погасим. Его нам хватит и на свадьбу, и на медовый месяц, – она подошла к нему вплотную и впиалась губами в его губы, одновременно руками срывая с него брюки и футболку...

На следующий день, в строго обозначенное время, Левин

прибыл в кафе на встречу с офицерами. В руках он держал пачку контрактов, за которыми еще утром заехал на работу к Лизе. На каждой стороне листа были отпечатаны права и обязанности сторон по выполнению условий контракта. В качестве заказчика выступал некий генерал-полковник Смирнов, заместитель начальника Генерального штаба по разведке, а в графе «исполнитель» находилась длинная жирная черта. Достаточно было вписать туда любую фамилию и паспортные данные, как контракт начинал действовать, а офицер – обогащаться. В качестве одного из его условий – самостоятельное прибытие в Белград за свой счет. Этот счет был на конкретную сумму и определялся в размере 500 долларов США.

Офицеры были уже на месте и в ожидании Левина пили мутный чай. Их лица были сосредоточены. Они тихо разговаривали между собой.

– Здравия желаю, – поздоровался Левин и, пожав каждому руку, сел на свободное место.

– Ну как, дозвонился? – с равнодушным видом спросил его капитан, нервно помешивая ложкой сахар в стакане.

Левин умел завести, используя театральную паузу. Он оглянулся по сторонам, а, увидев официанта, позвал его.

– Нам, уважаемый, пожалуйста, принесите бутылку водки, тарелочку селедки, мясную нарезку принесите и сочку, – сделав заказ, он наконец-то улыбнулся.

– Андрей не томи, сразу скажи: да – да, нет – нет, – раз-

драженно буркнул капитан.

– Ну что я вам, мужики, хочу сказать, вроде бы все получается. Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить, – он для проформы сплюнул через левое плечо.

– Да ты что? – округлив глаза, прошептал старший лейтенант.

– Представьте себе, да. Поэтому я на хрен увольняюсь и еду на год в Белград. А там посмотрим. Может быть, и продлю еще контракт.

– А как же мы? – испуганно спросил капитан.

– Да вы не дрейфьте, договорился и о вас. Знаете, вчера вечером звоню в Москву. Объясняю своему корешку генералу, мы с ним в Таджикистане вместе служили, дескать, как бы еще раз съездить в Югославию.

– Андрей, если что, мы и заплатить генералу можем. Ты с ним можешь на эту тему прямо говорить.

– Да ты что, Серега, это же боевой офицер! Если я только заикнусь о взятке, он мне сразу по морде съездит.

– Ты тогда извини. Не хотел. Я просто слышал, что если тебя внесут в списки командировочных, то необходимо заплатить кому-то из Генштаба.

– Так это, Сергей, если ты официально едешь. А мы же, по сути, нелегально туда едем. Слышал о наемниках?

– Ну конечно.

– Так вот, мы там и будем наемниками. Однако кроме основной работы на стороне сербов мы будем выполнять и раз-

ведывательные задания. Соответствующие инструкции мы получим в Белграде, от тамошнего резидента ГРУ. Есть положительные моменты: нам будут платить и сербы, и наши. Так что сумма нашего гонорара увеличится в два раза.

– Это получается почти двадцатка зеленью, – капитан провел языком по сухим губам.

– Я пока не считал, но где-то около этого, – Левин облокотился на стул, и посмотрел на офицеров поверх их голов.

– Охренеть! – прошептал другой старлей. Подошел официант и принес заказ.

– Это дело надо обмыть, – потирая руки, радостно сказал Левин и разлил водку в четыре рюмки.

– Твою мать, даже не верится. Кому скажешь, не поверят, – вырвалось у старлея после выпитой залпом водки.

– Ты чего, в своем уме, – рявкнул капитан. – Ты смотри, не проболтайся в части. Идем просто в отпуск. Тем более, зимой с ним проблем не будет.

– Мужики, но есть одна проблема, – заговорщицки сказал Левин.

– Что за проблема, Андрюха?

– Мне генерал условия поставил.

– Какие?

– Группа должна быть не менее пятнадцати-двадцати человек. Чтобы она мобильно действовала в горной местности. Должны быть навыки горной подготовки.

– Да мы офицеры! Нам хоть горы, хоть пустыни, хоть го-

родские условия, – нервно бросил капитан.

– Я ему так и сказал. Все с горной подготовкой. Здесь как раз и нет никаких проблем. А как быть с численным составом? А?

– А к какому сроку нужно подготовить команду? – спросил старлей.

– Да времени уже особо и нет. Дня три-четыре, не больше.

– А прапоров можно брать?

– С прапорщиками, конечно же, могут возникнуть проблемы... Но я уверен, что можно. Что они, не люди?

– Так, Андрюха, с народом мы проблему решим. У меня в Новосибирске знакомых среди офицеров много. Да и у других тоже. Да? – задумчиво произнес капитан.

– Да какие вопросы! Каждый из нас по пять человек приведет, и вот тебе группа. Пятнадцать, и нас четверо, получается девятнадцать, – эмоционально бросил старлей и руками отбил барабанную дробь на столе.

– Тогда надо изучить условия контракта, – Левин из папки вытащил листки и передал каждому офицеру.

Некоторое время они молча изучали, но когда дошли до пункта о самостоятельном прибытии в Белград, капитан спросил:

– А как мы будем самостоятельно добираться?

– Легко! Я дорогу знаю. Закажем билеты сначала до Москвы, а оттуда уже прямой рейс в Белград. Там нас уже будут встречать из резидентуры. Все просто. Ты, наверное, Сергей,

будешь брать билеты. Возьми, вот мои пятьсот долларов, – Левин сунул капитану в руки пять шуршащих стодолларовых банкнот.

– А почему я? У меня в аэропорту связей нет.

– Ладно, тогда я буду брать. Но пусть деньги у тебя побудут. Тогда ты будешь держателем общака. Ха-ха-ха-ха, – засмеялся Левин. – Соберешь со всех по пятьсот долларов, и вместе с тобой поедem брать билеты. Да, самое главное. У всех, надеюсь, есть загранпаспорта?

– Нет, – офицеры замотали головами.

– Хреново, – Левин с досады ударил открытой ладонью по столу. – Надо срочно что-то придумать, – он ладонями закрыл лицо, демонстрируя мыслительный процесс.

– За три дня сделать паспорта не получится, – в смятении запричитал старлей.

– Придумал! – громко крикнул Левин, что бармен за стойкой вздрогнул. – В Москве через того же генерала мы за сутки сделаем их. Мне, главное, список нужен и фотографии. Даже скорее список. Я по телефону его продиктую или факсом пошлю в Генштаб. Они, пока мы будем лететь в Москву, паспорта подготовят, прямо при нас приклеят фотографии и раздадут. Но здесь возникают дополнительные затраты. Долларов этак по двести. Итого с каждого человека, Сергей, собираешь по семьсот долларов. У тех, у кого есть, как у меня, загранпаспорта, собираешь по пятьсот. Арифметика простая, а времени в обрез. Успеem, чтобы я сегодня генера-

ду доложил?

– Успеем, Андрей, не бойся, докладывай, не подведем, – капитан доброжелательно постучал ему по плечу и, подняв рюмку, радостно провозгласил тост: – За удачу!

Левин всегда считал себя опытным психологом. Самое главное – это знание важнейших свойств человеческой души, и ему тогда казалось, что он в избытке запасся этими знаниями. Он многое узнал о жизни людей, странствуя по свету, переезжая из одного города в другой. Так что, можно сказать, не у каждого имелся такой богатый опыт, как у него. Но, как говорится, «И на старуху бывает проруха». Он где-то допустил ошибку, которая стоила ему пяти лет свободы.

Его задержали по всем правилам детективного жанра. Вначале он даже не понял, что все происходящее с ним в ту минуту не сон, а самая настоящая реальность. Двое сотрудников в штатском подошли к нему с обеих сторон и спросили:

– Вы капитан Петров?

«Какой капитан, какой Петров?» – подумал про себя он и с удивлением посмотрел на непрошенных гостей. Их внешний вид не вызывал угроз и подозрений в многолюдном зале аэропорта Толмачево. Обычные молодые люди крепкого телосложения. Правда, из-за неправдоподобного румянца на щеках казалось, что они чем-то взволнованы.

Пять минут назад Сергей передал ему деньги в сумме три-

надцати тысяч шестисот долларов США, а сам удалился на улицу, чтобы там его ждать, пока он не приобретет билеты до Белграда через Москву. Естественно, никаких билетов Левин брать не собирался, как и не хотел больше видеться с Сергеем. У черного входа из аэропорта его ждал автомобиль, который должен отвести его к железнодорожному вокзалу и подарить новую жизнь. К ней он уже подготовился. В карманах его форменной одежды лежали билет на поезд до Иркутска и банковский кредит, полученной Лизой на их свадьбу. Ее золотые украшения и всякая мелочь, которые в минуты одиночества должны напоминать ему о чудесно проведенном с нею времени, были скрыты от посторонних глаз в его спортивной сумке.

– Нет, – после небольшой заминки, ответил он, и как ни в чем не бывало, продолжил движение к большим прозрачным дверям, за которыми так отчетливо была видна заветная машина.

Всего каких-то тридцать метров отделяло его от нее или пять секунд спринтерского бега. И только он подумал о секундах и уже собрался сделать стремительный рывок к цели, как что-то необычно мощное, жесткое и недоброе до боли сковало его, и он оказался на полу.

* * *

В комнате приема посетителей особого отдела армии, ку-

да доставили Левина из аэропорта, стоял полумрак. За окном постепенно темнело. Еще чуть-чуть, и в городе зажгутся фонари. Матовое стекло не позволяло видеть, что происходит вне кабинета, поэтому приходилось довольствоваться многообразием звуков, доносившихся с улицы.

Только здесь с Левина сняли наручники. Теперь он молча сидел на табурете и, потирая бордовые следы на запястьях, слушал монотонный голос следователя.

– Еще раз повторяю свой вопрос: ваши фамилия, имя, отчество, дата и место рождения?

В голове была полная сумятица, отчего собрать мысли в кучу было невозможно, как невозможно и понять, каким образом сотрудники федеральной службы контрразведки вышли на его след. И почему именно они, а не милиция, например? Вопросов у Левина было много, значительно больше, чем у следователя, но он молчал, и время от времени тяжело вздыхал.

Отпираться было глупо. Ему и так прозрачно намекнули, что его разговоры записывались, а обнаруженные при понятых национальный паспорт, деньги и железнодорожный билет не оставляли ни единого шанса выкрутиться.

Встреча с офицерами в кафе могла стать для Левина началом его новой жизни. Но стала ее концом. Во всяком случае, каким его видел он сам. Неизвестно, правда, чья это была вина: его ли, опостылевшей и мечтавшей о совместном ребенке Лизы, а может, появившихся на горизонте военных мечтате-

лей разбогатеть, для которых поговорка о бесплатном сыре в мышеловке – пустой звук? В эту минуту искать крайнего – пустая затея, да и что изменится? Ровным счетом ничего.

– Третий раз, гражданин Левин, повторяю свой вопрос: ваши фамилия, имя, отчество, дата и место рождения?

Услышав свою фамилию, Левин вдруг пришел в себя и, улыбаясь, спросил:

– А вы не конфискуете мой краповый берет?

Это было так внезапно, что следователь поперхнулся и закашлял. По всей видимости, он был простужен. Достав из кармана брюк потрепанный носовой платок, он с достоинством развернул его, смачно высморкался и не спеша запихнул обратно.

– Если все честно расскажешь, не конфискуем, – натянув на лицо самую приветливую из своих улыбок, ответил он, а потом добавил: – Это в ваших интересах. Чистосердечное признание – одно из условий получить в суде меньший срок.

– А без срока никак не обойтись? Я все возьму! – пробормотал Левин.

– Без срока нельзя. Вы что думаете, наемничество в нашей стране поощряется? Это тяжкое уголовное преступление, тем более совершенное иностранным гражданином, – следователь многозначительно поднял указательный палец вверх и там потряс им.

Услышав непонятное для себя слово «наемничество», Левин вздрогнул и с испугом посмотрел на следователя. Толь-

ко сейчас он его рассмотрел. Мужчина лет сорока, сидевший напротив, был высок и толстоват, рубашка так туго обтягивала его живот, что пуговицы трещали, а одна и вовсе отвалилась. Галстук свободно болтался на мощной шее, а на голове красовались три волосины, зачесанные через всю макушку от уха до уха. Черты лица мягкие, незапоминающиеся. Подобных людей можно встретить в метро, склонившихся над тщательно сложенной газетой.

Мысли Левина запрыгали вокруг этого странного слова.

– Я никаким таким наемничеством не занимался.

– А набор добровольцев в Югославию, это что, не ваших рук дело?

– Да что вы, гражданин следователь, у меня и в мыслях такого не было. Зачем мне кого-то отправлять в Югославию? Вы сами подумайте.

Неожиданно дверь открылась, и в кабинет зашел подполковник с петлицами мотострелка. Он оказался полной противоположностью следователя – небольшого роста и худощав, а на голове густая черная шевелюра. Подполковник расположился в углу на стуле. Закинув ногу на ногу, он раскрыл белую папку с надписью «Дело» и как ни в чем не бывало углубился в ее изучение. Казалось, что его не интересовало происходящее здесь.

– А деньги? Откуда у вас такие деньги?

– Я в долг их взял. Под проценты.

– У кого?

– У капитана одного. Я ему сначала дал в долг пятьсот долларов. Можете спросить у него. А потом мне деньги срочно понадобились, и теперь я их занял у него.

– Тринадцать тысяч шестьсот долларов? – вмешался подполковник. Он не меняя позы, прикрыл папку и стал буркнуть Левина взглядом.

– Мне деньги были нужны позарез. Я хотел их в акции МММ вложить, прокрутить, а потом отдать с процентами. И ему хорошо, и мне тоже.

– А что ж вы почти двадцати офицерам парили мозги? По двадцать тысяч долларов они за месяц заработают. Говорили?

– Никаких я двадцать офицеров не знаю. Капитану говорил, врать не буду. А больше никому такого не говорил. Да и то говорил, чтобы в долг взять и через месяц отдать эти деньги.

– А билет до Иркутска взяли зачем? – теперь уже спросил следователь.

– А там проценты по акциям выше, чем в Новосибирске. Бизнес, понимаете? Но я обязательно бы вернул. Прокрутил бы и вернул.

– А где вы здесь проживаете? – спросил подполковник.

– В гостинице.

– В какой?

– Ну я ваш город хорошо не знаю. Маленькая такая гостиница. Где-то на окраине.

– Эту гостиницу называют «у Елизаветы Петровны»? – улыбнулся подполковник.

Левин громко сглотнул слюну и замкнулся, опустив голову вниз.

– Что молчите, Левин, женщину тоже хотели надуть? Она же, бедная, кредит взяла. Думала, вы человек порядочный, женитесь на ней. Геройским офицером представлялись. Как же вы так?

– Мало ли чего вам эта дура наговорила. Вы баб больше слушайте, они вам наговорят. У них всего одна извилина, и та между ног, – неохотно пробурчал он.

– Вы, наверное, хотите очной ставки с Елизаветой Петровной? Могу устроить, – сказал следователь. – Тем более, у вас есть о чем с ней поговорить. Золотишко, обнаруженное у вас, невестино приданое? Так ведь?

– Это я на память взял, – вначале смутился Левин, однако, вспомнив диалог Остапа с мадам Грицацуевой, хитро улыбнулся.

«– Не оскорбляйте меня, – кротко заметил Бендер. – Я сын турецкоподданного и, следовательно, потомок янычаров. Я вас не пощажу, если вы будете меня обижать. Янычары не знают жалости ни к женщинам, ни к детям, ни к подпольным советским миллионерам.

– Чтоб тебе лопнуть! – пожелала вдова по окончании танца. – Браслет украл, мужнин подарок. А стул-то зачем забрал?!

– Вы, кажется, переходите на личности? – заметил Остап холодно.

– Украл, украл! – твердила вдова.

– Вот что, девушка, зарубите на своем носике, что Остап Бендер никогда ничего не крал.

– А ситечко кто взял?

– Ах, ситечко! Из вашего неликвидного фонда? И это вы считаете кражей? В таком случае наши взгляды на жизнь диаметрально противоположны.

– Унес, – куковала вдова.

– Значит, если молодой, здоровый человек позаимствовал у провинциальной бабушки ненужную ей по слабости здоровья кухонную принадлежность, то значит, он вор? Так вас прикажете понимать?

– Вор, вор.

– В таком случае нам придется расстаться. Я согласен на развод...»

Глава 7

Н-ск, следственная тюрьма, 19 января 2003 года, 11 часов 18 минут

– Что было бы, если бы?... Вечный вопрос. Прошлое изменить нельзя, как бы мы ни старались. Что было, то было...

Короче, чекисты быстро разобрались, что к чему, и передали мое уголовное дело по подследственности в милицию, а те пришили мне банальное мошенничество. Ведь все козыри были у них на руках.

От сумы и от тюрьмы не зарекайся. Так, по-моему, звучит известная поговорка. Много известных людей побывало на тюремных нарах. Даже великий комбинатор – Остап Бендер, и тот провел в тюрьме несколько лет. Не обошла эта участь и меня. Пять лет! Пять незабываемых лет моей жизни были вырваны с корнем. Я просидел от звонка до звонка, и все время в Новосибирске.

Нельзя сказать, что на зоне нечеловеческие условия. В первое время было тяжело, но потом ничего. Человек ко всему привыкает, и к изоляции от общества тоже. «Не верь, не бойся, не проси» – главное, запомнить эти правила, и тогда проблем возникать не будет. А еще надо знать, где сидеть, с кем и как разговаривать, что нужно делать, а чего ни в коем

случае нельзя. Зона – это территория со своими законами. Соблюдая их, можно благополучно жить, вернее, существовать.

За пять лет мир кардинально изменился. Это я сразу почувствовал, выйдя за ворота колонии. И дело не только во внешнем облике Новосибирска, который словно очистили от мусора, представьте себе, изменились люди. Не знаю, с чем это было связано, может быть, со второй Чеченской войной, так широко обсуждаемой по центральным телевизионным каналам?

На волю я вышел, имея немного денег, чтобы добраться до места своего жительства и справку об освобождении. Не густо. В Узбекистан, на шею своей мамаше, я ехать не собирался. Там делать было нечего. Можно было подался к своей бывшей Лизе, но в одну и ту же реку два раза зайти нельзя. Увидев меня, она со злостью закрыла перед моим лицом входную дверь и пообещала позвонить в милицию. Таким образом, я остался один-одинешенек, без определенного места жительства, средств к существованию и надежды.

– И снова взялся за старое? – спросил его Калинин.

– А вы как думаете? Жить-то надо было на что-то!

– Ты мне скажи, Левин, зачем ты лейтенанту Величко жизнь испортил?

– Так этим лохам и надо...

Поезд «Кисловодск – Москва», 13 марта 2002 года, 11 часов 52 минуты

Левин стоял в тамбуре одиннадцатого вагона скорого поезда «Кисловодск – Москва» и, прижавшись лбом к стеклу, курил. В Минеральных Водах, откуда он начал свой путь, было уже по-весеннему тепло. Но чем дальше увозил его поезд, тем разительней менялась природа и окружающий ландшафт. Через двести километров появились белые пятна рыхлого снега среди темных бескрайних полей и лесополос, расположенных вдоль железнодорожного полотна, а еще через триста – белизна стала превалировать. За окном пошел снег с дождем. Поезд двигался и, казалось, что снежинки не падают, а поднимаются к небесам, иногда цепляясь за обшивку темно-зеленого плацкартного вагона.

Вот уже почти два года Левин курсировал по стране на поездах. Приезжал в незнакомый город, покорял сердце какой-нибудь вдовушки, гостил у нее недельку-другую, и снова в путь. Изменялись города и веси, но неизменным оставался вид за окном летящего словно на крыльях поезда. Замечал ли кто-нибудь когда-нибудь, что растущие у железной дороги березы, многие годы склонявшиеся под вихрем проходящих поездов, образовывали совершенный восьмиугольник? Замечал ли кто-то, что из вагона огни ночного города так похожи на звездное небо? Левин это замечал.

Очередной раз находясь в Москве, он снова в переходе метрополитена приобрел очередную «красную корочку» на имя капитана Петрова. Продавцы были другие, а удостоверение – точь-в-точь, как и купленное им много лет назад, даже китель на фотографии не изменился. Этот бизнес в столице процветал, перепродавался или передавался по наследству, так уж «бизнесмены» были похожи друг на друга.

Маленький курортный городок, куда он прибыл вместе с Татьяной, был приятным местом, как и его название – Минеральные Воды. Близость к прифронтовой полосе вначале пугала Левина, но Татьяна, с которой он познакомился накануне у железнодорожной кассы, настояла на своем и позвала к себе в гости «боевого офицера» спецподразделения ГРУ.

Какой холодной и враждебной казалась первая проведенная в городе ночь, какими безжалостными выглядели его темные улицы, когда они с Татьяной шли от вокзала до ее дома. В те минуты он понимал жавшихся друг к другу бездомных собак, сбившихся в стаи. Дорога, одним словом, принесла лишь страх и беспокойство. Еще бы, телевизионные репортажи из Чечни, рассказывающие о зверствах тамошних бандитов, запали в голову. А потом, словно после весеннего дождя, вышло солнце, и грязные дома с мертвыми окнами, за которыми могли прятаться боевики, и отвратительные ночные улицы внезапно расступились перед ним, стали не такими страшными. А тут еще Татьяна провела урок по географии, из которого Левин узнал, что Чечня от Минеральных

Вод находится на приличном расстоянии, и не то что снаряд, не всякая ракета сможет долететь до города.

Отношения с Татьяной с самого знакомства развивались стремительно. «Мне кажется, ты неплохой парень, сынок», – на третий день проживания в доме, сказал ему пожилой отец Татьяны, а ее мать, доселе пристально изучавшая его, в знак одобрения приподняла брови и кивнула поседевшей головой. И уже через неделю все стали поговаривать о свадьбе... Провинциальные непосредственности!

Вагон дрожал, а лоб отбивал мелкую дробь по стеклу. За окном резво пролетали железобетонные и деревянные столбы, железнодорожные будки со смертельно усталыми путевыми смотрителями, мелкие вымирающие деревеньки со старыми колодцами и загонами для скота, необитаемые полустанки и люди в желтых безрукавках и безжизненным взглядом. Сзади непрерывно ходили пассажиры. Открывались и закрывались двери тамбура и межвагонных переходов, отчего усиливался стук колесных пар и стойкий запах железной дороги.

– Огонька не найдется? – послышалось сзади.

Левин убрал голову с холодного стекла и развернулся. Перед ним, слегка наклонившись, стоял молодой человек в военной форме с погонами лейтенанта и держал в зубах сигарету с фильтром.

Левин похлопал себя по карманам брюк и вытащил одноразовую зажигалку.

– В отпуск или командировку? – обыденно спросил он и дал прикурить.

– В командировку, чтоб ей пусто было, – делая глубокую затяжку и выпуская изо рта дым, ответил лейтенант и, теряя интерес к Левину, направился в противоположный конец тамбура, занимая для обозрения свободное окно.

– А я из командировки, – как бы между прочим произнес Левин и закурил вторую сигарету. – Из Чечни еду на побывку.

– А вы что, офицер? – заинтересовался лейтенант, глядя на камуфлированные штаны собеседника и темные дерматиновые тапочки, украденные им в одном из путешествий.

– Капитан. Командир спецгруппы ГРУ. Меня Андреем Александровичем зовут.

Он решил назвать себя по имени-отчеству, ссылаясь на пресловутую субординацию и возраст. На вид лейтенанту было от силы двадцать два – двадцать три года и, скорее всего, он совсем недавно стал офицером. А вот Левин уже разменял возраст Христа.

Лейтенант поспешно вытащил сигарету изо рта и, приняв строевую стойку, представился:

– Лейтенант Величко.

– Да расслабься, лейтенант, не в казарме же мы с тобой. В поезде, как и в бане, все равны. Как звать-то? – Левин сделал шаг вперед и вытянул руку для приветствия.

– Василий, товарищ капитан, – он крепко пожал его руку.

Весь его по-детски наивный и по-деревенски простодушный облик выражал собачье восхищение. В нем было что-то такое искреннее и неподдельное, что Левин не выдержал и широко улыбнулся.

– Ну что, Вася, будем знакомы. У меня, кстати, есть бутылочка хорошего коньячка. Ты не против того, чтобы провести ее дегустацию, а заодно и поговорить о службе?

Бутылку ставропольского коньяка, как и еще много полезных вещей, он позаимствовал в доме у Татьяны. Она стояла много лет в серванте и пылилась, и наверное, и дальше бы скучала, дожидаясь своего звездного часа в какой-нибудь праздничный день.

– А удобно? – лейтенант, смущаясь, опустил глаза.

– Неудобно в гамаке на лыжах, а все остальное сподручно. Мы офицеры или не офицеры, в конце концов?

– Офицеры, товарищ капитан.

– Тогда пошли!

Его купе было свободно. В это время года отдыхающих было немного, поэтому поезда шли полупустыми в обоих направлениях. Договорившись с проводниками, Василий перенес свой скромный багаж к Левину, доселе несколько часов скучавшему в одиночестве, и расположился напротив него. Бутылка коньяка, лимон, палка копченой колбасы, сыр и два яблока – провиант, добытый Левиным перед «бегством» из холодильника подруги, стремительно переключал из его сумки на откидной столик...

После третьего тоста, выпитого, как и следует, молча, Левин поинтересовался у Василия целью его командировки.

– Солдат у меня из взвода сбежал. Командир части приказал мне его найти. Живет солдат в Подмосковье. Вот еду к его родителям. Буду убеждать, чтобы их сын вернулся обратно. Короче, товарищ капитан, неприятная история. Взыскание мне уже объявили за слабую воспитательную работу с подчиненными, что ставит жирный крест на моей дальнейшей карьере, – тяжело вздыхая, ответил лейтенант.

– Карьера – не самое главное в нашей жизни. У меня тоже сначала были проблемы. Даже в свое время звездочку с погон снимали. Пережил. Вот после ранения предложили мне возглавить группу в военно-мемориальной компании. Слышал о такой?

– Конечно, слышал. Эта компания занимается похоронами военнослужащих.

– Не только похоронами, – разливая по чайным стаканам порцию спиртного, сказал Левин. – Моя группа, например, будет заниматься поиском финансовых средств для строительства памятника бойцам, погибшим в Чечне.

Сам понимаешь, у государства таких денег нет, у мемориальной компании тоже. А памятник вот так вот нужен, – он схватил себя за горло.

– А где же деньги искать, они же на дороге не валяются? – удивился лейтенант.

– Естественно, не валяются.

Идея заработать деньги таким образом пришла только-только, в ходе разговора с лейтенантом, но она так понравилась ему, что на его душе засвербело, хотелось все обмозговать, разложить по полочкам.

– Можно, конечно, к ветеранам обратиться! – неожиданно произнес лейтенант.

– К ветеранам, конечно, можно, – задумался Левин. – Но они не такие богатые люди. Надо в крупные предприятия обращаться.

– Крупные предприятия будут перечислять деньги по безналу, на расчетный счет компании.

– Василий, какой ты все-таки молодец. Голова у тебя работает. Хочешь в мою группу?

– А это военная служба или как?

– Конечно, военная. Это же военно-мемориальная компания, а не шарашкина контора. И выслуга идет, и звездочки прибавляются.

– А какая должность по званию? – заинтересовался Василий.

– Будешь моим заместителем, а следовательно, капитаном. Я буду майором.

– А как, Андрей Александрович, это будет выглядеть практически? Мне что будет нужно приехать в часть и написать рапорт о переводе или вы отношение пришлете в мою часть?

– Зачем все усложнять? Сделаем все по-другому. Прие-

дем в Москву, я получу назначение в Генштабе, и сразу выпишу назначение на тебя. Тут же тебе дадут удостоверение и все, ты начинаешь служить под моим началом.

– А как же часть? Мне по уставу должность надо сдать, рассчитаться с вещевой, продовольственной и финансовой службой, аттестаты получить. Ну как всегда. Это же коню понятно.

– Ты чего, в своем уме? Представляешь, твоему командиру из Генерального штаба позвонят и скажут: ваш лейтенант теперь служит в военно-мемориальной компании. Приказываю его рассчитать, снять со всех видов довольствия и аттестаты направить в другое место службы. Понятно?

– А где будет место службы? Москва?

– В Москве располагается центральный офис компании, а наша группа будет ездить по всей стране. Сам понимаешь, сбор денег не имеет границ.

– Я, товарищ капитан, согласен служить под вашим началом!

Скорый поезд прибыл в Москву по расписанию, рано утром. Город, как всегда, куда-то спешил, и его суета заражала. Учащалось сердцебиение, появлялась тревожность и огромное желание бежать, бежать и бежать куда-нибудь без оглядки, лишь бы прийти к финишу первым. Привычное чувство для москвичей, живущих в быстром ритме, но для гостей столицы такой темп – сущий ад.

В зале ожидания Левин с Величко вначале перекусили на скорую руку, запихнув в себя по хот-догу и стакану темной жидкости, а потом сфотографировались в маленькой темной будке с надписью: «Моментальное фото». Удобная штуковина!

– Ты меня здесь жди, а я направляюсь в Генеральный штаб за назначением, – сказал лейтенанту Левин и, забрав его удостоверение, очень быстро, как занятой человек, вышел из вокзала.

Маршрут был прежним: ближайшая станция метро, нырнуть по эскалатору вниз, сесть в электропоезд, проехать несколько остановок, выйти из вагона, подойти к двум жуликоватым молодым людям с бегающими глазками, обозначить им проблему и ждать. Ждать – самая неприятная фаза этого дела, впрочем, еще и расставаться с деньгами. Но ожидание и потеря денег окупаются сполна, когда из раскрытой красной корочки на тебя смотрит твое же самодовольное лицо. На документы Левин денег не жалел. Очередная корочка – путь к благосостоянию и лишний повод избежать неловких бесед с сотрудниками органов правопорядка. Как правило, увидев в руках обладателя такой документ, они теряют к нему интерес и, козырнув, удаляются восвояси.

За скорость Левину пришлось доплатить. Но это стоило того. Через пять часов он получил два удостоверения сотрудников военно-мемориальной компании. На первом была приклеена его фотография, а на втором – до смешного ис-

пуганного лейтенанта Величко. В качестве бонуса «кулибины» поставили в удостоверение личности лейтенанта дополнительную печать неизвестной воинской части, под которой Левин самолично расписался.

При появлении Левина лейтенант испытал прилив оптимизма, а при виде документов – неопишущую радость, граничащую с безумием: он хлопал в ладоши, кричал и свистел, чем вызвал волну недоумения у пассажиров и негодование своего командира.

С этого момента предприятие Левина, которое он про себя ласково называл «Рога и копыта», а Величко – Фунтом из «Золотого тельца», начало действовать и некоторое время приносило стабильный доход. Люди не скупилась на памятники, без сожаления расставаясь с финансовыми излишками, которые оседали в карманах потомка великого комбинатора. Следует сказать, что Левин исправно выплачивал денежное довольствие своему заместителю, не забывая и о премиальных. Правда, всего лишь один раз. Величко-Фунт, как и следовало ожидать, в один из майских дней был задержан комендантским патрулем на вокзале за нарушение формы одежды. Там его быстро привели в порядок и передали в военную прокуратуру, которая после изучения всех обстоятельств дела предъявила ему обвинение в дезертирстве...

Глава 8

**Н-ск, следственная тюрьма, 19
января 2003 года, 12 часов 2 минуты**

– Не знаю, что на меня нашло, но я решил остепениться и осесть где-нибудь в глубинке, подальше от соблазнов и суеты. Может, это было отголосками переходного возраста, когда хочется домашнего очага и уюта? А может, к определенному времени я почувствовал накопившуюся с годами усталость? Не знаю. Но однажды я реально захотел изменить свою жизнь, если так можно назвать свое серое существование на земле. К тридцати пяти годам мои сверстники уже построили дом, посадили дерево, родили детей и, наверное, были по-настоящему счастливы. У меня ничего всего этого не было, одна вечная дорога в никуда. По сути дела, за десять лет бродяжничества я объехал всю Россию, и, наверное, нет такого города, где я бы не побывал в поисках лучшей жизни. Оказалось, что она везде одинаковая: и в Москве, и Питере, и в Волгограде, и в Новосибирске, и в Чите, и в Магадане. И люди везде одни и те же: глупые и доверчивые.

Это как в притче, рассказанной мне в колонии старым эком про человека, как-то услышавшего о море и решившего во что бы то ни стало увидеть его. Он бредил им, оно

снилось ему по ночам – такое, каким он представлял его по рассказам: безбрежное, синее, с белыми барашками волн, с яркими бликами на воде... Великолепное и опасное, манящее и пугающее, ласковое и беспощадное.

И в одно прекрасное утро человек собрал свои нехитрые пожитки, закрыл дом и ушел на юг, туда, где, по словам очевидцев, шумело море. Ему нечего было терять, и как мне, не с кем было прощаться. Его путь к морю продолжался десять долгих лет. Куда только не заносила его судьба! Он воевал, несколько долгих лет провел в тюрьме, потом бежал... Обрел свою любовь и потерял ее. Был нищим и смог разбогатеть, а потом опять все потерял... Он побывал разбойником и купцом, шутом и воином, рабом и господином... Но и в самые черные дни, и в минуты счастья и покоя, он не забывал о своей мечте – увидеть море. И, наконец, он пришел на берег моря.

– Знаешь, Юрьевич, что он сделал? Калинин покачал головой.

– Он подошел к нему так близко, что волны коснулись его запыленных башмаков. Постоял так совсем немного. А потом просто развернулся и пошел обратно, в свою деревню. Цель была достигнута. Мечта исполнилась. А он не испытал ничего, кроме разочарования.

– Поучительная история. Но все же Андрей Александрович, ты не отвлекайся. Ближе к теме, – предложил Калинин.

– Ближе так ближе, – продолжил Левин. – Однажды я ехал

поездом в Москву, чтобы там пересесты на другой поезд и снова куда-нибудь ехать. Неожиданно вечером, как только электровоз затормозил у какой-то крупной железнодорожной станции, ко мне пришло тягостное чувство человека, попавшего в ловушку, но не знающего, как из нее выбраться. Знаете ли, такая необычная подавленность. А вслед за ней появилась уверенность, что в этом городе со мной должно случиться нечто такое, что опять перевернет мою жизнь. Чувство было настолько сильным и четким, что я поверил ему безоговорочно и, собрав свой скромный багаж, бросился на встречу с этим «нечто». Станция называлась «Л-ск».

– Так что получается, ты у нас оказался случайно? – спросил его Калинин.

– Не знаю. Если это можно назвать случайностью, то случайно. Но я считаю – это была судьба, гражданин начальник.

– Ты, Андрей Александрович, фаталист, твою мать...

**г. Л-ск Н-ской области, ресторан
«Центральный», 23 августа
2002 года, 22 часа 45 минут**

Когда Левин появился в Л-ске, Ирине было тридцать семь, и она работала калькулятором в единственной гостинице этого маленького провинциального городка, расположенного на пересечении железных дорог, по которым беспрерывно двигаются электровозы, таща за собой в разные

направления нашей страны длиннющие составы пассажирских и товарных вагонов.

Калькулятор – это не портативное вычислительное устройство на основе микропроцессора, а профессия. Она много лет занималась исчислением себестоимости выполненных работ как в самой гостинице, так и в ресторане, находящемся при ней. Занималась неплохо, и поэтому небольшой гостиничный комплекс все еще был на плаву, хотя по идее, должен уже давно обанкротиться.

У Ирины есть внебрачный ребенок, небольшая дачка в километре от города и воспоминания. Они с дочкой жили в однокомнатной квартирке на четвертом этаже обшарпанной, насквозь пропахшей канализацией пятиэтажки в микрорайоне. Слово «микрорайон» вводит в заблуждение: три однотипных четырехподъездных дома сгрудились у умирающего от безденежья когда-то гремевшего на всю область завода.

Неподалеку от микрорайона между кладбищем, городской свалкой и частным сектором протекает маленькая живописная речка с интригующим названием Матыла. Она бежит из соседней области сквозь густые заросли ивняка и в конце концов впадает в водохранилище, остужающее Н-ский химический комбинат.

Летом, когда становилось невыносимо жарко, Ирина с подругами ходила в безлюдное место на речке, где, раздеваясь донага, они подолгу плавали в ее прохладных водах.

Мужчин в городке значительно меньше, чем женщин, как,

в общем, и любом другом населенном пункте необъятной России. Наверное, поэтому здесь так много матерей-одиночек, самостоятельно воспитывающих детей. Ирина родила в двадцать девять лет, ровно через девять месяцев после знакомства с Виктором. В то время она работала официанткой в этом же ресторане, куда он однажды зашел выпить пива. В городе он находился в служебной командировке и занимался монтажом какого-то оборудования на сахарном заводе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.